

АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ

ПОРТРЕТ

СМЕРТИ

ХОЛСТ, КРОВЬ

Черная кошка

Алексей Макеев

Портрет смерти. Холст, кровь

«ЭКСМО»

2014

Макеев А. В.

Портрет смерти. Холст, кровь / А. В. Макеев — «ЭКСМО»,
2014 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-699-74805-1

К владельцу детективного агентства Андрею Раевскому обращается за помощью Эльвира Эндерс – русская жена знаменитого испанского художника-сюрреалиста Гуго. Она просит найти мужа, который несколько дней назад бесследно исчез с территории семейного поместья. Эльвира предлагает неслыханный гонорар, и Раевский немедленно соглашается. Они вылетают в Мадрид, но по приезде Эльвира неожиданно умирает. Эксперты устанавливают, что сеньора Эндерс была отравлена. Полицейские начинают расследование и вскоре определяют главного подозреваемого. Им оказывается Андрей Раевский...

ISBN 978-5-699-74805-1

© Макеев А. В., 2014

© ЭКСМО, 2014

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алексей Макеев

Портрет смерти. Холст, кровь

Глава первая

На работу в хмурый понедельник 20 августа я бессовестно опоздал. В этом не было ничего удивительного, учитывая проводимое накануне мероприятие. Я запарковал сиреневую «Карину» у подъезда, поднялся на второй этаж, раскланявшись с вахтершей Симой. Полюбовался на табличку с вызывающей надписью «Детективное агентство «Пирамида» – табличка переливалась свежей краской, сияла глазурью и еще не успела надоесть. Вытер ноги, вошел. Отчитывать Андрея Ивановича Раевского за опоздание было некому. Главнее меня тут все равно никого не было.

В офисе царил нормальная атмосфера. Из всего трудового коллектива трудился только факс. Подмигивала заставка на компьютере, телевизор приятным женским голосом сообщал прогноз на предстоящую неделю: дожди, дожди и только дожди. Варвара Архиреева уже вернулась из отпуска, болтала с подругой по телефону: включила громкую связь, чтобы трубка в руке не мешала красить ногти, обложила флакончиками, кисточками, протирками, прочими непостижимыми предметами женского обихода.

– Чем ты сейчас занимаешься? – жеманно вопрошала подруга.

– Ничем, я на работе, – в том же духе отвечала Архиреева.

Покосилась на меня, расцвела, подставила щеку и на всякий случай отключила громкую связь. Я совершил ритуал, отметив, как она похорошела за лето, махнул рукой – болтай уж. Проигнорировал факс и потащился в кабинет, обогнув выставленный на проходе мокрый зонт (вот именно, что мокрый, пусть не врет, что корпит на работе с раннего утра). Я развалился в кресле, закрыл глаза. Мог вообще не приходить. Учитывая уйму проделанного накануне...

Перед глазами все еще носилась галерея «Арт и Шок», вытянутые лица устроителей выставки, перепуганная мордашка хорошенькой художницы Оленьки Наумовой, чье творение в стиле ню «Разнузданная деликатность» свистнули с экспозиции в первый же день показа. То, что Оленька – лесбиянка, я узнал уже после того, как вычислил похитителя и вернул творение на место, утерев нос доблестным органам в лице капитана Максимовского. Честно выданный гонорар за услугу – это, конечно, замечательно, но ведь не хлебом же единым...

Видение было прилипчивым, как двусторонний скотч. Подобные «артишоки» проводились в нашем городе с пугающей регулярностью. Искусства, как такового, там не было, а вот экстравагантности, эпатажа, эпигонства, пошлости и конкретного разврата – более чем достаточно. Кому об этом не знать, как специалисту по поиску и возвращению утерянных и похищенных предметов искусства и редких антикварных вещей. Озабоченная публика валит, как в семидесятые за сапогами. Имеют место происшествия. «Разнузданная деликатность» была красива. Без подковырок. Подражательство Франсуа Буше – дивная красotka, выписанная до последнего волоска под мышкой, возлежала на атласных простынях в позе страстного ожидания. Я вычислил похитителя в течение пяти часов – вдохновенный умоляющим взглядом Оленьки Наумовой. Помощников не было – все свои по отпускам, а полиция предусмотрительно умыла руки, дабы потом не позориться. Следы привели в строительный вагончик на окраине Западного жилмассива, где некий сторож по фамилии Аникеев в свете керосиновой лампы жадно поедал глазами готовое к соитию божество. Я, в принципе, не злой, мог бы не привлекать его к ответственности, но очень не понравились маньячий блеск в глазах и нож, с которым он бросился на меня. Этот юродивый обладал нехилой физической силой! Я вспотел, пока с ним справился. Скрутил, отдышался, огрел по затылку керосиновой лампой, после чего

вызвал наряд и стал поедать «Разнузданную деликатность» жадным взором голодного маньяка, приходя к мысли, что начинаю понимать, откуда берется в человеке все темное и опасное для общества...

Впечатлительным я стал. Не хватало чего-то в жизни. Четвертый десяток в затылок бормотал. Тридцать три, нормальные люди в этом возрасте на кресте гибнут во благо человечества, приобретают футбольные клубы, нефтяные компании, особняки в процветающих мировых столицах...

Я открыл глаза, обозрел свои пятнадцать метров «полезной» площади. Новый стеллаж для документов, монитор, стол из черного дерева, призванный внушать посетителям мысль о надежности выбранного ими заведения.

Второй предмет моей гордости – картина известного сюрреалиста Гуго Эндерса, выполненная в стиле морской болезни. Прямоугольник 40 на 60. Названия я не знал, как не знал ничего и о биографии самого художника, кроме того, что он предельно знаменит и считается преемником Сальвадора Дали. Еще один гениальный безумец, проникший в тайны мироздания. Про себя я так и называл картину: «Морская болезнь». Причудливое смешение реальности и бредовых фантазий. Морские волны с потрясающими цветовыми переходами, непонятные существа, запутанные в элементах рангоута и такелажа, испытывали страшные мучения и были выписаны с убедительной конкретностью. Безумная гроза, озаренная вспышкой сверхновой, расплавленная биомасса, пронизанная бусинками кричащих глаз... Художник не был поклонником теории чистого цвета (как какой-нибудь фовист), хотя и входил в доблестную плеяду авангардистов. Любитель экспериментов с красками. Он не имел живописной манеры, собственного творческого стиля. Он был разный. Писал под настроение. И вместе с тем считался с законами светотени, перспективы, постепенного сгущения или смягчения света. Первенство в картине всегда оставлял за рисунком...

– Тук-тук, – сказала Архиреева, проникая в кабинет. – Ты один?

– Сам с собой, – очнулся я.

– Понятно. Пришла подставить вторую щеку. Можно, Андрей Иванович?

– Проходи, – разрешил я, чмокнул, куда было велено, и она, весьма довольная, развалилась в кресле. С ухмылкой глянула на старый стеллаж, который я так и не сподобился отправить на свалку. Не спорю, это разные вещи: выкинуть старый хлам и собраться выкинуть старый хлам.

– Прекрасно выглядишь после отпуска, – похвалил я.

Все женщины считают комплименты в свой адрес чистой правдой. Но Варвара Архиреева в этот день действительно выглядела великолепно. Не девочка, моложе меня всего на два года (и три квартала) – как раз тот возраст, когда девичья красота распускается в обворожительно женскую...

– Хмурый ты сегодня, Андрюша, – заключила Архиреева, внимательно изучив руководителя. – Скванный какой-то. Радикулит? Подтяжки перекручены? – подозрительно потянула носом. – Ты знаешь, здесь немножко пахнет перегаром. Это нормально?

– Это нормально, – уверил я. – Поздравляю с выходом, Варвара. Постройнела, загорела. На стройке работала?

Она хихикнула.

– Скакалку купила. Две недели в пансионате на Обском море – тоска зеленая, ни одного приличного мужика. Иностранцы какие-то были. Тупые – страшно. Уже знают, что рассол от огурцов пить нельзя, а почему – не понимают. Неделю прожила у тетки в деревне. Там дорогу мостят – трассу федерального значения, она как раз раздавит тетушкину деревню. Собирается переехать ко мне... – Варвара картинно вздохнула. – В мою однокомнатную квартиру. Буду в кладовке жить.

Она трещала, как Анка-пулеметчица. О том, что окончательно доломала в сельской местности свою «девятку», о нудистском пляже вблизи пансионата, где очень строгий дресс-код, то есть из одежды – только крестик. О жуткой жаре в конце июля, о том, что с таким климатом мы скоро будем часы переводить не на час назад, а на месяц вперед.

Целых три недели мы не виделись. Соскучились (лично я действительно соскучился).

– Да, кстати, – сказала Варвара, меняя тон, ногу и выражение лица. – Я должна тебе что-то сказать.

– Коротко и ясно, – улыбнулся я.

– Шестьсот баксов, – не моргнув, сообщила Варвара. – Из отпуска вернулась – на полном крахе, коммуналка не оплачена, в холодильнике пусто, жестянщики на СТО требуют невозможного. Придется заводить личных индусов-носильщиков. Не понимаю, на что уходит моя зарплата.

«Парадокс, – подумал я. – Деньги были и будут. Но их никогда нет. Почему?»

– Эх, Семеновна, – вздохнул я. – Если зарплата уходит непонятно на что, значит, ты работаешь непонятно зачем. Держи, – я вынул из стола заранее припасенный конверт и всучил Архиреевой. – И помни золотое правило: что бы ни случилось с твоей машиной, могло быть гораздо хуже.

– Супер, – восхитилась Варвара, пересчитав наличность. – Теперь я побалую свое буржуазно-мещанское тщеславие. Приличных денег в этой стране, конечно, не заработаешь...

– Можно, – возразил я. – Но жить придется в Англии.

Мы еще поболтали несколько минут, потом Архиреева посмотрела на часы.

– Пойду поем. Обед подкрался. Тут кафешка за углом открылась. Работы нет, я правильно понимаю?

– Работы нет, – подтвердил я.

– Отлично, – обрадовалась Варвара. Внимательно посмотрела мне в глаза. – И все равно ты хмурый, Андрюша. Может, случилось чего? Устал ночью? – Ее красивые глаза задорно заблестели. – Девочка попалась активная? Мы ведь, женщины, как весна – делаем ночи короче.

– Вы, женщины, как диверсанты, – отшутился я. – Вечно норовите найти и уничтожить наш запасной аэродром.

– А почему ты это сказал? – она удивленно приоткрыла ротик. – Женился в мое отсутствие?

– Без вас, Варвара Семеновна, я никогда не женюсь, – иезуитски улыбнулся я. – К слову пришлось. Давай, Варвара, топай. Приятного общепита.

Оставшись один, я закрыл глаза и начал думать о собственном счастье. Можно взять отпуск, поехать на Хайнань, можно в Белокуруху. Вернусь через неделю, отдохнувший, загорелый. Найду себе вторую половинку. А Варвара посидит в офисе, будет ногти красить, клиентов отгонять...

Я так размечтался, что пропустил что-то важное. Когда глаза открылись, я в кабинете был уже не один. Женщина вошла бесшумно, встала на пороге, растерянно мялась, теребила лялочку замшевой сумки.

– Простите, что без стука, – прошептала она. – Я не знала, что у вас сестра...

Я смотрел на нее, как на логичное продолжение своих мечтаний. Привлекательное, стройное, с грустинкой в широко раскрытых глазах. Правда, вместо бикини взору предстал скромный хлопковый костюмчик (скромность явно напускная – куплен не на распродаже), а пышные волосы были собраны заколкой на затылке, благодаря чему приятное личико обрело излишнюю округлость.

– Извините, – откашлялся я. – Полуденная задумчивость. Присаживайтесь, – я вскочил и, как истинный джентльмен, предложил даме стул.

– Спасибо, – она села, положила сумочку на колени и уставилась на меня ясным взором. – Это агентство «Пирамида»?

– А вы не видели табличку?

– Видела. Просто решила уточнить. Странное название для детективного агентства, не находите?

– У слова «Пирамида» есть хорошее значение, – объяснил я. – Символ очищения, излечения, благоприятной ауры и большого сельскохозяйственного счастья.

Она ни слова не поняла, задумалась.

– Мне нужен Андрей Иванович Раевский...

– Если нужен – получите, – я положил перед ней визитку. Она внимательно ее изучила.

– Скажите, а вы... больше специалист по поиску или по возвращению владельцам утраченных и похищенных предметов искусства?

Я легкомысленно засмеялся.

– Признаюсь честно, сударыня, не всегда поиски знаменуются успехом. Но одно могу вам гарантировать: работа выполняется добросовестно и скрупулезно. Если вас устроят такие условия, а также особенности... гм, прејскуранта, то я внимательно вас выслушаю. А особенности... гм, прејскуранта таковы...

– Не надо, – перебила женщина. – Меня не интересуют особенности вашего... гм, прејскуранта.

Вновь бесшумно отворилась дверь, и вошла откушавшая Варвара. Она узрела посетительницу, насторожилась. Посетительница уловила воздушный поток, резко обернулась. Варвара сделала учтивую мину, прошла на цыпочках, села позади гостыи и достала зачем-то блокнот.

Я терпеливо ждал, когда же посетительница соизволит представиться. Но она, видимо, посчитала, что уже это сделала.

– Простите, – пробормотала она. – Но я думала, что вы...

– Страдаю в одиночку? – перебил я. – Нет, у меня есть штат квалифицированных сотрудников. Познакомьтесь, Варвара Семеновна. Высокоточный специалист по предметам искусства и по их продуктивному поиску... если предметы искусства находятся, разумеется, в состоянии утери.

Варвара украдкой зевнула, глянула на меня с оттенком недоумения – дескать, где я подобрал эту нудноту? Я украдкой пожал плечами.

– Значит, здесь вы работаете... – прошептала посетительница, озирая наши скромные рабочие пенаты. Варвара открыла рот, чтобы ляпнуть что-то смелое. Скажем, такое: «а когда уж совершенно нечем заняться, здесь мы занимаемся сексом». Но не стала. Во-первых, это неправда, во-вторых, я показал ей кулак.

– А вот эта картина... – посетительница остановила затуманенный взор на бессмертном творении Эндерса. По лицу ее пробежала мрачная тень.

– А это картина известного сюрреалиста Гуго Эндерса, – снисходительно объяснил я. – Так называемая «сверхреальность». Сальвадор Дали, Андре Массон, Рене Магритт, Ив Танги, Гуго Эндерс... Мы называем эту картину «Морская болезнь». Это подлинник. Вас удивит, почему подлинник именитого мастера висит в простом офисе. Во-первых, таково было условие одного частного художественного фонда, любезно предоставившего нам данную работу взамен проделанной нами. Во-вторых, в нашем здании хорошо налажена охрана. А хранить ее в квартире действительно опасно...

Было еще и «в-третьих», но посетительница меня перебила. Чуть раздвинула коллагеновые губки, замаскированные блеском. Впервые с момента вторжения она рискнула улыбнуться.

– Возможно, вы огорчитесь, Андрей Иванович, но аналогичная картина Гуго Эндерса, и тоже подлинник, висит в моем доме. Называется она не «Морская болезнь», а «Предчувствие

морского путешествия с Майорки в Сицилию». Сицилия – это итальянский остров. Майорка – испанский. Там изобрели майонез. Блюдо испанское, а не французское, как принято думать. Но, в принципе, вы правы: идея картины навеяна абсолютной непереносимостью качки.

Мы с Варварой недоуменно переглянулись.

– А ваш дом... – начала Варвара.

– Городок Маринья, область Каталония, северо-восток Испании. У нас там свой особняк на берегу моря. Очень живописное место. До границы с Францией чуть более сорока километров.

Варваре Архиреевой подлинность моего Эндерса была глубоко по барабану. Но взор ее начал затягиваться поволокой. Ах, испанская грусть, – беззвучно шептали ее красивые губы. – Кастаньеты, фламенко, фанданго, жгучие мачо, страстные гитарные переборы. Коррида опять же...

– Ой, – сказала посетительница и испуганно прижала ладошку ко рту. – Я, кажется, не представилась. Какая же я рассеянная. Меня зовут Эльвира Эдуардовна. Эльвира Эдуардовна Эндерс. Три «Э». Забавно, правда?

Некоторое время в моем кабинете господствовало потрясенное молчание. Архиреева хлопала ресницами. Посетительница терпеливо ждала, пока мы обречем дар речи.

– Вы дочь известного живописца? – благоговейно осведомился я. – У вас абсолютно нет акцента. Никогда бы не подумал, что великий и загадочный сюрреалист нашего времени – человек российского происхождения.

– Да, вы правы. В Гуго Эндерсе самым загадочным образом перепуталась русская, еврейская, голландская и немецкая кровь. Он обучался в России, где прожил семнадцать лет из своих неполных сорока восьми. Но я не дочь. У Гуго Эндерса, к сожалению, нет детей. Сын Александр и первая жена Анна трагически погибли. Я – его вторая жена.

То, что происходило со мной в эти минуты, описать невозможно. Растерянность, испуг, благоговение – вплоть до полного ступора. Гуго Эндерса – загадочную, овеванную мистическим флером личность – я действительно почитал выдающимся творцом современности. Он что-то перенял в своем творчестве от Сальвадора Дали, но и внес в этот пласт искусства много нового – того, что доселе никто из живописцев не применял. Совмещение бреда с реальностью, погружение в сущность нарисованного, светотени, цветовые переходы, восхитительные смещения красок – мягкость Рафаэля, изобретательность Леонардо, монументальность Микеланджело, фантазмагория Дали...

– Пожалуйста, вот мой паспорт, – посетительница извлекла маленькую книжицу. – Российского нет, только такой.

Эльвира Эндерс, двадцать шесть лет, гражданка Испанского королевства, замужем...

– Спасибо, Эльвира Эдуардовна, – я вернул посетительнице документ. – Признаться, поражен.

– И я, – поддержала Варвара. – Устраиваются же некоторые...

Вторая часть фразы вырвалась, очевидно, непроизвольно, под влиянием высоких чувств. Варвара редко хамит потенциальным клиентам. Эльвира грустно посмотрела на нее.

– Простите, – сказала Варвара. – Обычный комплекс русской бабы.

– Ладно, – очнулся я. – Вы же пришли не просто так, Эльвира Эдуардовна? У вас пропало что-то ценное?

– Мой муж, – кивнула Эльвира.

И снова тягостная минута молчания и печали.

– Э-э... – начал я потихоньку пробуждаться. – Видите ли, Эльвира Эдуардовна, в компетенцию нашего агентства как-то не очень входит поиск пропавших людей...

Громко кашлянула Варвара. Сделала страшные глаза и за спиной посетительницы стала накручивать пальцем у виска. Эльвира обернулась, Варвара стала поправлять завитушки на висках.

– Впрочем, мы охотно вас выслушаем, – допустил я.

– Спасибо, – кивнула Эльвира. – Вы так милы. Сама я родом из этого города, обучалась на экономическом факультете местного университета. Но так распорядилась судьба, что в начале двухтысячных я отправилась жить в Испанию. Потом умерла мать, пришлось самой зарабатывать на жизнь. Я работала... в одной организации, – посетительница задумалась, что бы еще сказать.

Варвара быстро застрочила фломастером в блокноте. Показала из-за спины Эльвиры. «Танцовщицей в стрип-баре».

– Я работала секретарем у директора местного яхт-клуба, жила на окраине Мариньи в маленьком арендованном домике...

«Я же говорила», – быстро написала Варвара.

– Мы познакомились случайно, два года назад. Мужчина пришел в яхт-клуб, у него было дело к нашему директору Фернандо Дьюччи. Он обратил на меня внимание, предложил поужинать. В мужчине не было ничего экстравагантного... по крайней мере, в тот день ничего не было. Невысокий, обычной наружности... только волосы сильно торчали. Он так умело ухаживал, внимательно меня слушал, признался, что тоже наполовину русский. Мы поехали к морю, потом в мотель, и только утром он признался, что его фамилия Эндерс, у него особняк в Маринье на Плата-дель-Торо... ну, там, мировая известность, все такое. Кто же не знает художника Гуго Эндерса?

– Кто-то не знает, – пожала плечами Варвара. – Рискну предположить, что этих людей – абсолютное большинство. Навестите, например, районный русский городок за гранью цивилизации. Можно испанский городок – думаю, невелика будет разница...

– Моя мама была искусствоведом, – улыбнулась Эльвира. – А отец торговал антиквариатом. У меня у самой – высшее образование. И справка об окончании школы декоративного искусства. Итак, уже два года мы проживаем на Плата-дель-Торо...

– Опишите, пожалуйста, внешность вашего мужа, – попросил я.

– Сорок семь лет, – пожала плечами Эльвира. – Обыкновенная, ничем не примечательная внешность. Рост примерно метр семьдесят два, в меру упитан, серые глаза, длинные волосы... если он не связывает их пучком, они торчат в разные стороны, – женщина замялась. – После свадьбы проявились некоторые странности Гуго и... временами просто несносный характер. Нет, он всегда меня любил, но мог позволить накричать, обидеть, демонстративно не замечать. Это творческая личность... вы понимаете? Он весь в работе, поисках, стремлениях. Может погрузиться в медитацию на несколько дней. Может сутками писать, закрывшись в мастерской. Может бросить работу, наплевать на заказы, сроки, обстоятельства, изобретать какие-то штучки по хозяйству, возиться в саду с садовником Тынисом, валяться на диване в гостиной. У него своя мастерская в южном крыле рядом с галереей, куда он принципиально никого не пускает. Там кодовый замок и прочные двери. Готовые картины Гуго вывешивает в коридорах или в галерее – недалеко от мастерской. Никогда не спрашивает моих советов, он весь в себе, ему не нужны помощники. У Гуго чудовищное воображение, позволяющее сочетать несочетаемое... Вы понимаете, что я хочу сказать?

– Оксюморон, – пробормотал я. – Попытка соединить то, что нельзя соединить. Короткая такса, честный политик, эстонские скороговорки...

– Большая зарплата, – добавила Варвара.

– Да, – кивнула Эльвира, – Гуго соткан из противоречий. Он никогда не раскрывается, не говорит о своем прошлом. Я вижу только готовые его полотна. Он никого не пускает в процесс написания картин и... совсем не озабочен, как близкие люди воспринимают его творчество.

– А творчество воспринимается неоднозначно? – удивился я.

– О, да, – усмехнулась Эльвира. – Гуго – разный. Если вам, конечно, по душе человеческие внутренности на праздничном столе или, скажем, гимнастка, которую в полете разрывает пополам летящий тигр, или ограда особняка, увенчанная девичьими головами, или живая свинья, которую перепиливают ножовкой пополам...

– Какая прелесть, – восхитилась Варвара.

– Хорошо, Эльвира, – мягко сказал я. – Творчество неоднозначно, фигура противоречива. Теперь давайте к делу.

– Давайте, – вздохнула посетительница. – В последний месяц Гуго был абсолютно невыносим. Он выполнял работу по заказу одного местного бизнесмена, Карлоса Басадена, но вовсе не спешил ее завершать. Я даже не уверена, что он ее начал. Писал по ночам что-то другое – говорил по секрету, что это жизненно важная работа, что она многое изменит в нашей жизни. Мрачнел с каждым днем, делался нервным, вздрагивал от каждого шороха, ночами почти не приходил в нашу спальню, отсиживаясь в мастерской...

«Униполярное расстройство», – подумал я. Обычная человеческая депрессия.

– Несколько раз он куда-то ездил в темное время – заказывал фургон. Разругался с соседями, с домашними, с городской властью в лице начальника полиции Рикардо Конфери, который частенько приходит в наш дом к его младшей сестре Изабелле. Разругался даже с местной мафией, с которой поддерживал если не дружеские, то приятельские отношения... Временами он впадал в экзальтацию, был крайне веселым, хохотал без причины...

«Нет, – подумал я. – Биполярное расстройство. От экзальтации и эйфории до глубокой депрессии. Химический дисбаланс тканей головного мозга».

– И ровно неделю назад – в понедельник 13 августа – мой муж пропал рано утром при загадочных обстоятельствах.

Глаза женщины наполнились слезами. Она достала платочек и аккуратно промокнула глаза. Мы с Варварой украдкой переглянулись.

– М-м... – сказал я. – Сочувствуем вашей неприятности, Эльвира Эдуардовна, но не растолкуете, в чем именно они заключались – загадочные обстоятельства?

– Растолкую, – всхлипнула Эльвира. – Загадочные обстоятельства заключаются в том, что мой муж пропал из тщательно охраняемого дома. У нас хорошая охрана, налаженная мистером Йораном Воргеном. Никто не видел Гуго уходящим, уезжающим, улетающим, и никаких потайных ходов на вилле в Маринье нет. Вечером он, как обычно, пришел ко мне в спальню, пожелал спокойной ночи, удалился в мастерскую, а утром... пропал. Никто из домашних и прислуги его не видел, ночью все спали. Охрана контролирует периметр, пожимает плечами. Ближе к обеду мы стали волноваться, и начальник охраны Йоран Ворген принял решение взломать мастерскую. Там ничего не было – кроме мольбертов, каких-то набросков, необходимых для работы аксессуаров...

Лицо Эльвиры дрожало, стало искажаться. Она взяла себя в руки, надела бледную улыбку.

– Его искали везде. Никаких следов. Мой муж просто пропал, словно не было его никогда. Пять дней поисков не принесли результата. До общественности эту новость пока не доносили – знает определенный круг лиц плюс полиция. Для остальных существует версия, что Гуго простыл и потерял голос. И между тем, Андрей Иванович... – Глаза посетительницы округлились. – В доме происходит что-то странное, я чувствую. Надо мной сгущаются тучи. Я подозреваю, что меня хотят убить, отправить вслед за Гуго... Я не выдержала, заказала билет на самолет, вылетела на свою историческую родину... Но это был порыв, он пройдет, я вернусь домой, я обязательно узнаю, где мой муж...

– Стоп, – я сделал предостерегающий жест. Посетительница явно начала заговариваться. – Прежде чем вы сформулируете свою просьбу, Эльвира Эдуардовна, ответьте на два вопроса. Первый. Вы точно знаете, кто был в доме в ночь на тринадцатое августа?

– Разумеется, – она посмотрела на меня как-то странно. – В доме одни и те же люди. Порой я даже не знаю, что бы я с ними сделала... – В глазах посетительницы зажегся странный огонек, но она его погасила. – В доме на Плата-дель-Торо, 14, постоянно проживают... – она сделала паузу, – младшая сестра Гуго Изабелла, младший брат Генрих... у них нет семей. Все мужья Изабеллы благополучно скончались, нового она пока не обрела. А Генрих если на ком и женится, то только на бутылке хереса. Тринадцатилетний сын Изабеллы, Марио, – мальчишка, которого невозможно выносить... его гувернантка Габриэлла, компаньонка Изабеллы, Кармен, – шустрая брюнетка, она всегда вертится рядом с Изабеллой. Йоран Ворген – начальник охраны, по национальности швед, по характеру сволочь, неплохо владеет русским языком, на котором, собственно, и общаются в доме. Холодный неприятный мужчина. Кто же еще?... Ах, да. Угрюмый садовник Тынис – противный рыжий эстонец, два охранника, которые периодически меняются. Кажется, всё.

Мы с Варварой снова обменялись взглядами. Семейка Адамс. А так ли проста Эльвира в действительности? Этот блеск в глазах...

– Вечный Хэллоуин какой-то, – пробормотала Варвара.

– И второй вопрос, – сказал я. – Почему вы пришли в агентство «Пирамида»? На всем протяжении от Испании до Сибири не нашлось специалистов?

– Это просто, – отмахнулась Эльвира. – В этом городе я остановилась у Дарьи Рогачевой. Мы с Дашкой учились в университете. Где еще остановиться? Квартира давно продана, в гостиницах у вас пугающий сервис. Я ей все рассказала вчера вечером за бутылочкой портвейна. Дарья посоветовала обратиться к вам – как к толковому человеку и порядочному специалисту... В смысле, наоборот. У вас шенгенская виза, вы часто ездите за границу по делам, для вас не составит труда...

– Минуточку, – перебил я и задумался. С Рогачевой станется. Мир, конечно, тесен, но зачем же давить друг друга? Врожденная привычка подкладывать свинью. А все из-за того, что в третьем классе я храбро дернул ее за косичку. Она меня треснула линейкой. Я показал ей кулак. Она меня пнула. Мы сцепились в кровавом поединке, обоих удалили с урока математики, вызвали родителей. С меня как с гуся вода, а Рогачева на день рождения осталась без плюшевого медведя, которого присмотрела в ЦУМе. С той поры она меня подкалывает по поводу дней рождения. А я – ее.

– Тэкс-тэкс, – сказал я, извлек мобильник, порылся в телефонной книге и активировал номер. – Здравствуйте, – сказал я противным голосом, когда на той стороне отозвался ангельский голосок. – Юридическая фирма «Пурга» вас беспокоит. Нам сообщили из налоговой службы, что ваша задолженность на текущий месяц составляет восемь тысяч долларов. Мы могли бы облегчить вашу налоговую нагрузку...

– Чего-о? – протянули на том конце.

– Ну, как же, – сказал я. – Это сеть магазинов «Шестерочка»?

– «Семерочка»! – рявкнула Рогачева. – Кого ты хочешь обуть, Раевский?

– Рад, что ты не расслабляешься, – ухмыльнулся я. – Здравствуй, Рогачева. Напротив меня...

– Вообще-то я за рулем, – перебила Рогачева. – Стою на месте со скоростью шестьдесят километров в час. Гаишник внимательно смотрит, как я болтаю с тобой по телефону. Я очень рада, что ты позвонил. Люди навывдумывали столько средств общения и при этом почти перестали общаться...

– Напротив меня, – повторил я, – сидит привлекательная дама и ссылается на тебя. Она имеет право это делать?

– Опять отвлекают от работы привлекательные женщины? – съязвила Рогачева. – Да, у Эльвиры непростая жизненная ситуация. Не знаю, чем ей помочь. Ты же сможешь ей? По нашей старой фронтовой дружбе? Ну, а если не хочешь... – Рогачева замялась, – сделай вид, что ты ей сочувствуешь и в следующий раз обязательно сможешь.

– Спасибо, Рогачева, – поблагодарил я. – Всего хорошего. Соблюдай правила дорожного движения.

– Правила – для других, – фыркнула Рогачева. – Для нас – исключения. Кстати, Андрюша, у тебя на следующей неделе день рождения.

– И что? – насторожился я.

– Ничего, – хохотнула Рогачева. – Хотела спросить, чем ты бреешься?

– пеной из огнетушителя, – отрезал я и сыграл отбой.

Сложил руки на стол, как прилежный первоклассник, и печально уставился на посетительницу.

– Да, я не сказала, – сказала посетительница. – Когда обыскивали виллу, ни в мастерской, ни в других местах не обнаружили картину моего мужа, которую он писал весь последний месяц и которая, по его утверждению, перевернет всю нашу жизнь. Никто из домашних ее тоже не нашел... я бы заметила по их поведению. Они тоже хотели бы ее видеть. Изабеллу и Генриха сильно беспокоила эта картина.

– А она точно была? – встрепелась Варвара.

– Что вы хотите сказать? – растерялась Эльвира.

– Вы же не видели, как он ее писал.

– Нет, – решительно покачала головой Эльвира. – Картина была. Вы бы видели, с каким энтузиазмом каждый вечер он бежал в свою мастерскую. Он даже хвастался, что придумал название. «Семейка Эндерс. Тотальная галлюцинация»...

– Ну, допустим, – сказал я. Резонная мысль: если Эндерс погиб, то какие же деньги может стоить его предсмертная картина? И что для клиентки важнее – найти живого мужа или картину? – Ну, допустим, – повторил я с важным видом. – И в чем же просьба, Эльвира Эдуардовна? За время нашей беседы профиль нашего агентства не поменялся: мы не занимаемся поиском пропавших людей, пусть они и гениальные живописцы современности.

– Пожалуйста, – жалобно сказала Эльвира. – Я вас очень прошу.

– Детский сад, – вздохнула Варвара.

– Сто тысяч евро, – добавила посетительница (плавно перетекающая после последних слов в клиентку).

– беру обратно свои слова, дорогая Эльвира Эдуардовна, – гордо заявила Варвара. А я совсем помрачнел. Дурных предчувствий пока не было, но по опыту сомнительных дел я знал, что они будут. К сожалению, в текущем месяце мне позарез нужны были деньги.

– Я прошу вас прояснить ситуацию, связанную с пропажей Гуго Эндерса и его последней картины, – прямым текстом заявила «просительница». – Вам не надо дублировать функции полиции. Вы – мои гости. А кого принимать на вилле в Маринье – исключительно мое дело, как бы ни возмущались домашние. Вилла принадлежит Гуго Эндерсу, его родственники проживают там на птичьих правах и пусть не мнят обратное. И еще, – лицо клиентки приобрело насколько можно независимое выражение. – Я заплачу вам сто тысяч, из них десять – уже сегодня. В случае неудачи вы все равно получите всю сумму.

Из последних сил я делал вид, что колеблюсь. Варвара потрясала кулаком, гримасничала, тыкала носом в календарь, дескать, лето на исходе, песок и море улетают в теплые края, а над Испанией всегда безоблачное небо...

– У нас очень живописный городок, – добавила Эльвира. – Прекрасная вилла, которую в пятидесятых годах проектировал сам знаменитый Ле Корбюзье. На территории парка вы можете полюбоваться скульптурами Генри Мура. Ландшафтом занимался именитый лон-

донский дизайнер Ларри Колтон. Мы уладим формальности и завтра утром полетим вместе, согласны? Я знаю, как через Интернет заказать билеты...

– Мы тоже знаем, – фыркнула Варвара.

– Формальности в Москве будут минимальны, обещаю...

Через час мы, с Божьей помощью, от нее избавились. Я вытер пот, блаженно развалился в кресле. Варвара сверлила меня взглядом.

– Сто тысяч... – бормотала она. – Ты знаешь, Андрюша, если я получу даже пятую часть этой суммы, то улечу на небо. Я перееду из однокомнатной хрущобы в двухкомнатную, и вопрос проживания в кладовке отвалится сам собой.

– А разве ты куда-то едешь? – лениво ухмылялся я. Хотя прекрасно знал, что спорить бесполезно, женщину невозможно переубедить. Особенно если она еще ничего не решила.

– Я обязательно должна поехать с тобой, – волновалась Варвара. – Как же ты один, в чужой стране? Ты не можешь работать без женщины!

– Только гинеколог не может работать без женщины, – резонно огрызнулся я. – Это дело мы с тобой хорошенько обдумаем. Билеты до Москвы никогда не поздно сдать. А сейчас иди работай. Первое: вся информация по Гуго Эндерсу. Добывай, где знаешь. Второе: вся информация по Эльвире Эндерс. Учеба в университете и все такое. Найди девичью фамилию. С универа и копай. Если она, конечно, там училась. Третье: слетай в городскую публичку и добудь сборник репродукций Эндерса, если таковой в природе существует...

– Между прочим, производственная дискриминация женщины...

– Отличное изобретение человечества, – отрубил я. – Проблемы, Варвара? Хочешь, чтобы Испания сама к тебе в сумочку прыгнула?

Она убежала, а я занялся крайне сложным делом – раздумьями на заданную тему. Такое занятие я не мог доверить никому из подчиненных. Когда я расклеил слипшиеся глаза, то обнаружил, что уже четыре часа пополудни. А до дома сорок минут (если без пробок). Перед уходом из офиса я несколько минут постоял перед «Морской болезнью» Эндерса (или как там ее?). Недоверчиво потрогал холст. Шероховатостей не ощутил – полотно покрыто лаком, чтобы не хватались все подряд. Странно. Если подделка, то весьма трудоемкая. Уважаемый профессор, руководитель частного художественного фонда, которому я оказал услугу на сумму, значительно превышающую стоимость картины, уверял, что Эндерс подлинный. Не верить ему оснований не было.

А если авторская копия?

Вроде что-то блеснуло в голове. Я застыл, ловя сигналы мозга. Но нет, лимит бесценных идей на 20 августа исчерпан. Не слышны в мозгу даже шорохи. Я закрыл офис, предупредил охрану, чтобы включили сигнализацию, поехал в пустую скучную квартиру...

В половине десятого вечера я позвонил Варваре.

– Ты страшно занята, – предположил я.

– Ухаживаю за ногами, – промурлыкала Варвара. – Запустила я их нынче.

– У тебя длинные, красивые, загорелые ноги... – размечтался я.

– Ну, в общем, да, – скромно согласилась Варвара.

– А дальше?

– А дальше тапочки, пол, соседи, – Варвара засмеялась. – Думай о другом, Андрюша. Найди себе достойную вторую половинку.

– Мне бы с первой справиться, – проворчал я. – Ладно, оставим лирику. Докладывай.

– Задание выполнено, гражданин начальник, – отчиталась Варвара. – Репродукций Эндерса найти не удалось. В публичке заявили, что подобные издания к ним не поступают, потому что цены... А бюджетное финансирование ограничено. Я отправилась в магазин. Там

действительно – не цены, а сволочи. Двенадцать тысяч за подарочное издание. Извини, за такие деньги можно до Испании долететь. Поройся в Интернете... хотя и там далеко не полный перечень. Едем дальше. Эльвира Эдуардовна Голубева обучалась на факультете экономики. Отметками не блистала, но диплом получила. Устроиться на работу не успела. Мать-учительница познакомилась с испанским учителем биологии... он зачем-то приехал в Сибирь по обмену опытом, предложил Тамаре Степановне поехать с ним в Барселону – та, естественно, долго вещички не собирала. Но жизнь под безоблачным небом не задалась... тебе это очень интересно?

– Говори, – разрешил я. – За неимением другой информации.

– Мать скончалась, отчим нашел другую... Вернее, наоборот, отчим нашел другую, мать вследствие чего скончалась.

Зашелся бодрой ритмичкой сотовый телефон в прихожей. Я, кажется, забыл его вынуть из борсетки.

– Позже перезвоню, подруга, – сказал я, бросил трубку и поволокся в прихожую.

– Господи, Андрей, – сказала Рогачева. – Звоню тебе на городской, звоню, звоню. В Интернете сидел?

– В нем, – машинально буркнул я. – Ведь он как жизнь: делать нечего, а уходить не хочется. Подожди, случилось чего? – Голос у одноклассницы как-то странно подрагивал.

– Да, Андрюша... – она чуть не плакала. – У нас труп... Настоящий человеческий труп... Пришла с работы, поднялась к себе на третий этаж, а у нас тут темно, лампочка перегорела, и труп лежит под дверью... Андрюшенька, милый, мне кажется, что это Эльвира... Я вызвала полицию, а потом тебе стала звонить...

– Сейчас приеду, – бросил я. Недоуменно посмотрел на мигающую трубку. Вот и накрылась моя Испания медным тазом...

Садиться за руль после дозы вермута не хотелось решительно. Не объяснять же гаишникам, что я еду на труп. Я поехал на общественном транспорте – в смысле, на такси. В машине, вместо привычного шансона, играла психоделическая музыка, от которой психи активно размножаются. Шофер подпевал ей в такт и смотрел в одну точку перед собой. Он вез меня какими-то ломаными зигзагами. С того и стартовал абсурд, благополучно продолжившийся до финала этой нелепой истории.

Рогачева проживала на задворках «Праздничного зала» в массивной сталинской четырехэтажке, окруженной брежневскими картонными коробками. У подъезда стояла полицейская машина, «Скорая помощь» и старая «буханка», подозрительно смахивающая на машину для перевозки особых слоев населения (мертвых). Потолок подъезда украшал узор из обгоревших спичек. Я поднялся на третий этаж, где толпились люди. Лампочку, судя по всему, ввернули. «Настоящий человеческий труп» лежал под дверью Рогачевой, укрытый простыней. Осмотр уже закончили, но расходиться операм и экспертам не хотелось.

– Андрюша, родненький... – бросилась ко мне Рогачева – густо «заштукатуренная», расплывшаяся, в какой-то цветастой цыганской юбке. Схватила за воротник, забормотала: – Андрюшенька, представляешь, это не Эльвирка. Это соседка с четвертого этажа. Зиночка... Ее ножом хватили... Она же безвредная, скучная, разведенная, никому не нужная. А я подумала, что это Эльвирка. Она лежала на животе, и плащ у нее похожий, и волосы того же цвета...

А накрылась ли тазиком моя милая сердцу Испания? Я начинал предательски потеть.

– Эльвира дома?

– Нет, Андрюша... Я оставила ей ключ, потому что поздно прихожу с работы... Вкалываю, как лошадь... Нет ее дома, телефон заблокирован, я не знаю, где она – может, по бутикам шопингует, или по салонам красоты, или в солярий пошла...

За соляжкой. Голова усиленно работала. Если соседка Зиночка никому не нужна... Выходит, в Эльвиру метил убийца? Ждал в полутемном подъезде женщину в таком-то плаще, с такими-то волосами. А потом – совпало так – поднялась Эльвира, увидела труп, в страхе сбегала, а труп лежал, пока не объявилась Рогачева. В доме четыре этажа, Рогачева живет на третьем, по две квартиры на площадке, не сказать, что проходное место. Время не раннее, обитатели квартир давно сидят по домам у голубых экранов...

– Ха, а яблоко от дуба недалеко упало, – произнес знакомый голос, раздвинулась группа людей на вершине пролета, и в позу римского сенатора встал капитан Максимовский – рослый тип с волчьим взором, который просто незаменим, чтобы клеймить презрением преступников.

– Господин Раевский, мы с вами не виделись целые сутки, – он смотрел на меня пренебрежительно, как и должен смотреть не наделенный талантами, но уполномоченный властью человек на своего удачливого сверстника (не наделенного властью). – Вы у нас теперь в каждой бочке затычка? Вас теперь можно видеть везде?

– Под каждой крышечкой, – поддакнул младший по званию лизоблюд. Этого бездаря я тоже видел в «артишоке».

– Очень смешно, товарищ капитан, – пробормотал я. – Если хотите, можете проверить у меня документы.

– Раевский, я что-то не понимаю, – нахмурился Максимовский. – Да, в галерее «Арт и Шок» вы отличились, спору нет. Любый бы отличился за такие деньги. Но здесь... Агентство «Пирамида» занимается убийствами?

– Хотите трогательную правду, капитан? – с вызовом сказал я. – Дарья Викторовна Рогачева, у дверей которой произошло убийство, – моя старинная приятельница. Первым делом она вызвала полицию, а уж потом позвонила мне. Ей требовалась моральная поддержка. Вы не против, если я ее окажу?

Капитан опустил до моей персоны, раздраженно глянул на прильнувшую ко мне Рогачеву, сделал кружок вокруг нас, благо ширина пролета позволяла, сказал «ну-ну» и поднялся на рабочее место. Я не осуждал этого затурканного служаку. Врио начальника районной криминальной полиции – должность собачья. Гоняют по любому поводу: убийства, кражи с выставок, пьяная поножовщина...

– Послушай, Рогачева, – прошептал я, – ты ничего не говорила им про Эльвиру?

– Нет, Андрюш... Когда они приехали, я вообще ничего не могла говорить, только рот разевала, гугукала, квакала... А когда они перевернули ее, а это оказалась Зинка... я вообще онемела. Потом отошла, конечно... Нет, про Эльвиру я ничего не говорила. А надо ли, Андрюша?

– Ничего не говори. Убийцу они все равно не найдут, а неприятности нам с тобой обеспечат с троекратным запасом. Сам разберись с этим делом. Расскажешь им про Зинку всё, что знаешь, а про Эльвиру забудь. Появится – хорошо. Не появится... опять же моя проблема. Мы не уверены, что прирезать хотели Эльвиру. Послушай, а неужели они правда так похожи?

– Да нет... – задышала в ухо Рогачева. – Совсем не похожи. Волосы только. И цвет плаща. Но у Зинки – обычный совковый, а у Эльвиры – из Милана. В темноте, конечно, не поймешь...

Мы постояли для отвода глаз еще несколько минут. Тело унесли. Спустились опера, одарив меня суровыми взглядами. Скорчил надменную мину Максимовский.

– До скорой встречи, капитан, – раскланялся я, а когда он притормозил и вцепился в меня взглядом, быстро оговорился: – Шучу, шучу.

Я проводил Рогачеву до квартиры. Она олимпийским прыжком махнула через место, где лежала покойница, юркнула за дверь. Я помахал ей и запрыгал по ступеням. Полиция еще не уехала. Она рассаживалась. Я позвонил Варваре с площадки между первым и вторым этажом.

– Бедненький, – печально резюмировала Варвара. – Совсем забыл, что нужно говорить в трубку.

- Прости, забыл анекдот про склероз, – очнулся я. – У тебя все в порядке?
- А у нас пожар на всю деревню? Твой голос дрожит, Андрюша.
- Дрожит, – признался я. – Ты знаешь, как бороться со страхом?
- Знаю, – подумав, ответила Варвара. – При помощи более сильного страха.
- Тогда я приеду к тебе?

Она чуть не поперхнулась.

- Ну, знаешь ли... Спасибо, конечно. А за каким, прости меня, хреном?

Полиция еще не расселась по своим «скоростным» отечественным автомобилям. Время было. Я описал ей в двух словах «историю болезни» некой Зиночки и свои подозрения касательно данного убийства.

- Вот такая, понимаешь, загогулина, как говорил наш бывший президент.
- Понятно, – сказала Варвара.

– Понятно? – удивился я. – Поздравляю, дорогая. Если тебе все понятно, то психиатрия бессильна. Просыпайся, Варвара, сейчас я к тебе приеду. Кстати, какой твой любимый напиток утром?

Варвара потрясенно молчала.

– Не знаю, Андрюша, – выдавила с трудом. – Зависит от того, нужно ли утром идти на работу. А ты о чем говоришь? Считаешь, что ты уже преодолел... пятипроцентный барьер?

- Говорить будем всю ночь, – пояснил я. – Ладно, Варвара, не парься, кусаться не буду.

В такси, которое я поймал на улице Линейной, не играла психоделическая музыка, но управляла разбитым корытом женщина в кепке. Она посматривала на меня всю дорогу, рождая во мне чудовищный комплекс сексуальной неполноценности. Глаза ее при этом как-то мистически поблескивали. Я сунул купюру, не глянув на достоинство, взлетел на последний этаж хрущевского дома. Облегченно вздохнул и потянулся к звонку. Сотовый в кармане забился, будто ждал того момента.

Звонила опять Рогачева.

- Прости, Андрей, я, наверное, уже надоела тебе этим вечером...

– Да нет, что вы, – преувеличенно бодро сказал я. – Всегда рад вас слышать, Дарья Викторовна. Уже соскучились?

– Я? – изумилась Рогачева. – Да я вас с Эльвирой тьму лет не видела и еще бы столько же не видела!

- Объявилась Эльвира? – предположил я.

- Объявился еще один труп! – заорала Рогачева.

– Не может быть, – поразился я. – Прошло лишь двадцать минут. Что за труп? Опять женский?

– Нет, – успокоилась Рогачева. – Пациент, скорее, М., чем Ж. Дело было так, – голос Рогачевой уже не дрожал, непрерывные неприятности закаляли нервную систему. – Уехала полиция, уехал ты, я сидела на кухне, ждала Эльвиру... и вдруг во дворе как заорут! Потом узнали, что это соседка с первого этажа Любовь Константиновна выгуливала перед сном своего мопса, он и выволоч из кустов за детской песочницей человеческий труп...

- Да это не мопс, это буйвол какой-то, – пробормотал я.

– Нет, он выволоч только ногу. Любви Константиновне хватило. Через несколько минут вернулась полиция – она не так далеко и уехала...

– Хорошо, Рогачева, я сейчас приеду, – пообещал я, захлопнул говорилку и позвонил в дверь. Зашоркали тапочки, на пороге объявилась зевающая во весь формат Варвара в халате – опухшая, вялая, невыносимо домашняя и привлекательная.

– Нарисовался, – пробормотала Варвара. – Какой же ты перекошенный, Андрюша. Ну, входи. Готов... к ночной беседе?

– Как Пизанская башня, – уверил я и сунул ей бутылку дорогого испанского вина в красивой упаковке. – Держи, Варвара. Подождешь, пока я на труп съезжу? Только не засыпай, – я начал неотвратимо пятиться. Она смотрела на меня, как на исчезающее привидение.

– И ты специально приехал, чтобы это сказать?.. Эй, постой, ты вроде ездил уже на труп... Но я уже летел по лестнице, выкрикивая, что вернусь и все объясню.

Третья поездка на ночном такси начала напрягать мой бюджет. Я ворвался во двор рогачевского дома. Утомительные марш-броски по лестницам, к счастью, отменялись. Знакомые машины стояли у подъездной дорожки, а люди в штатском, освещая свой труд фонарями, грудились у кустов за песочницей. Крутились не спящие и очень любознательные пенсионеры, повизгивал мопс (от горшка два вершка) – герой текущей ночи и главный свидетель.

Я оттащил Рогачеву в сторону.

– А тебя-то зачем сюда притащили?

– Да ты что? – возмутилась Рогачева. – Во-первых, я бы и сама сюда пришла, а во-вторых, я у них что-то вроде главного подозреваемого. Не знаю, шутят ли...

– Не смейся, Рогачева, – поморщился я, подталкивая ее к дому. – Брысь отсюда, ложись спать, у тебя завтра трудный коммерческий день. Не тянешь ты на главную злодейку. Я смогу убедить господ полицейнеров, что ты не в теме.

Я бочком протиснулся к месту события. Труп, как и первый, был отнюдь не бутафорский. Мужчина средних лет, худощавой комплекции, низкий, невзрачный, неброско одетый, обширная залысина плавно перетекала со лба на затылок, возможно, тянулась и дальше, но проверить это было невозможно: затылок у мужчины был выворочен. А входное отверстие, проделанное пулей, красовалось посреди лба. Из тихого комментария эксперта явствовало: смерть мужчины наступила примерно в одно время со смертью женщины в доме. Возможно, с небольшой задержкой.

– Восхитительно, господин Максимовский, – усмехнулся я. – Напоминает нашу умелую медицину: не успели спасти одного больного, как тут же не успели спасти другого.

Мужчины при исполнении прервали беседу, повернули головы. Лучи света перекрестились на мне, как лучи прожекторов на пойманном «Мессершмитте».

– А это что за явление народу? – процедил капитан Максимовский.

– Доброй ночи, – поздоровался я. – Бог в помощь, как говорится.

– Может, закрыть его? – внес блестящее предложение помощник Максимовского.

– Да вроде не за что... – неуверенно заметил капитан.

– Без «вроде», – фыркнул я.

– А просто так, – сказал помощник.

Капитан задумался.

– Ну, конечно, – согласился я. – Больше заняться этой ночью нечем, – впрочем, я решил не нарываться. Арест не арест, но соразмерный аресту сюрприз, вроде подписки о невыезде, будет так же уместен, как пожар в агентстве «Пирамида». – Я не эксперт, товарищ капитан, – учтиво сказал я, – но, по-моему, здесь все ясно. Перед вами человек, убивший женщину на лестничной площадке. Банальное замечание следов. Посмотрите на него внимательно – убогий исполнитель. Зэк – может, месяц, может, два назад откинулся с зоны, денег не хватает, не прочь поиграть ножичком за десять или двадцать тысяч деревянных. Сделал дело, пришел в кусты за «гонораром» и схлопотал пулю в лоб. Вы уверены, господа полицейские, что осмотрели кусты? Не хотелось бы, конечно, думать, что оттуда на нас кто-то смотрит...

Они тут же оставили меня в покое и приступили к своим прямым обязанностям. Размышляя, что из меня бы вышел неплохой руководитель, я выбрался из всего этого и продолжил толкать Рогачеву к дому.

– Не пойду, – отнекивалась Рогачева. – Черная кошка вошла в подъезд, я видела...

– Черная кошка – это серьезно, – поддакивал я. – Недавно в новостях передавали: черная кошка перебежала дорогу бабе с пустыми ведрами. У обеих в тот же вечер начались неприятности.

– Правда? – делала круглые глаза Рогачева.

Четвертая поездка в такси выдула мои карманные деньги, как почту из пневмотрубы. Шофер попался взыскательный, внимательно смотрел, как я выворачиваю карманы. Теперь придется занимать у Варвары. Или оставаться у нее до утра... и снова занимать.

Умотанный, как боевой конь, я поднялся на последний этаж, потянулся к звонку. Ухмыльнулся про себя, выждал несколько секунд перед нажатием: не сработает ли сотовый телефон.

Телефон сработал. Я извлек его из кармана, изумленно на него уставился. Номер закрытый. Не раньше, не позже, мистика в чистом, неразбавленном виде.

– Слушаю и запоминаю, – неохотно сказал я.

– Андрей Иванович, – сдавленно зашептала женщина, – так хорошо, что вы отозвались. Это Эльвира... Вы, наверное, знаете – меня сегодня хотели убить. Не спорьте – это точно меня, а не ту несчастную женщину... Они найдут меня в любой точке земного шара... Это Изабелла со своей компанией. Они уже избавились от Гуго. Теперь в случае моей смерти Изабелла наследует виллу на Плата-дель-Торо, а она стоит много миллионов долларов...

– Простите за нескромный вопрос, – перебил я. – А в случае вашей смерти кому достанется нетленное творческое наследие вашего мужа? При условии, что он, конечно... м-м, тоже не вполне жив.

– Шиш им с маслом, а не наследие... – злорадно зашипела Эльвира. – Гуго не был глупцом. Картины не наследую даже я. Они переходят в фонд, созданный лично им, который так и называется «Фонд Гуго Эндерса». Да, на первых порах директором этого фонда буду я...

– Довольно сложно, – перебил я, – оставим казуистику на потом. Что случилось, Эльвира?

– А вы еще не поняли? Разумеется, меня проще убить в далекой России, чем в близкой Испании... Не знаю, кто ехал за мной. Нашли какого-то отмороженного уголовника... Я ездила в галерею «Фестиваль» и торговый центр «Ройял-Парк» – надо же посмотреть, чем торгуют нынче в Сибири. Дашка сказала, что придет поздно, у меня был ключ. Поднялась до квартиры, лампочка как раз не горела... и словно себя увидела мертвой! Вы думаете, я такая глупая и ничего не поняла? Пулей улетела оттуда. А когда за угол сворачивала, видела, как Дашка входила в арку... Я сейчас в кафе на Красном проспекте, кофе пью уже десятую чашку...

– Не злоупотребляйте, – хмыкнул я. – От кофе портится цвет лица.

– От смерти портится цвет лица! – вскипела Эльвира. – Вам смешно, вам не понять, что я сейчас чувствую...

«Куда уж нам», – подумал я. И не решился ей сказать про второй труп.

– Огромная к вам просьба, Андрей Иванович. Не отменяйте своего решения отправиться в Маринью. Умоляю вас. Ваш рейс завтра утром. А лично я ждать не буду, через два часа улетаю в Москву, постараюсь попасть на ночной мадридский рейс. Буду ждать вас в Маринье, вы доберетесь туда из Мадрида за несколько часов.

«О, этой женской логики причуды...»

– Вы не бойтесь одна появляться на вилле, где, по вашему утверждению, вам желают только зла?

– Я боюсь задерживаться в Сибири. Здесь меня точно никто не защитит. Даже вы, простите, Андрей Иванович. А в Маринье они не осмелятся, им нужен план. Итак, вы не отменяете своего решения? Десять тысяч евро лежат в Дашкиной квартире в туалетном столике. Конверт подписан. Можете поехать к Рогачевой прямо сейчас и забрать. Остальные получите в Испании. У меня просто нет с собой такой суммы...

В трубке забились гудки, я задумался и проворонил момент, когда надавил на кнопку звонка. Открыла Варвара – мятая, зевающая, домашняя.

– Потрясающе, Андрюша, – прокомментировала она мое очередное явление. – Ты такой измученный, что не дойдешь даже до спальни.

– Забыл, – хлопнул я себя по лбу.

– Забыл? – удивилась Варвара. – Презервативы с мурашками?

– Нет, – покачал я головой. – Забыл спросить у призрака Эльвиры, как добраться до Марины.

– А это ничего, – успокоила меня Варвара, – испанский язык, знаешь ли, и до Киева доведет. Я никогда тебе не говорила, что владею испанским по категории «чайник» и пару раз в своей довоенной молодости туда ездила. Ах, Севилья, благословенная столица Андалусии, ах, Кадис, Кордова, Гранада... – она мечтательно закатила глаза, но вспомнила обо мне. – Ты не собираешься войти?

– Прости, – вздохнул я, – надо съездить к Рогачевой, забрать у нее десять тысяч евро. Займешь на такси?

Мне казалось, она мгновенно примет позу суслика, бдящего в пустыне на задних лапках. Но Варвара чуть челюсть не вывихнула.

– Десять тысяч, говоришь? А что, существует реальная опасность, что до утра твоя Рогачева их промотает?

– Да нет... – я замялся. – У Рогачевой, конечно, имеются недостатки...

– Тогда в чем дело? – возопила Варвара, хватая меня за воротник и втаскивая в квартиру. – Так и будешь до утра работать челноком? Дудки, гражданин начальник, теперь не уйдешь за все деньги мира!

Соппротивление было сломлено. Дверь в квартиру с лязгом захлопнулась. Бедный серый волк, зачем он заговорил в лесу с незнакомой девочкой в красной шапочке?..

Глава вторая

Нет, не выдумал Михаил Светлов испанскую грусть. Есть такая штука в пестром мире. Архиреева уточнила, что все наши представления об Испании – это чистая Андалусия, южная часть Пиренейского полуострова. Жара, беленые избы под черепичными крышами, матадоры, цыганка Кармен, крутящая сигары на табачной фабрике, знойный фламенко – потрясающе эротичный симбиоз музыки, пения и плясок. В остальных областях это несколько другая Испания...

Нет смысла подробно описывать наши заморские похождения. Они не имеют отношения к событиям в Маринье. Готически прекрасный Мадрид – бывшая арабская крепость Маджирит, отгроханная в IX веке – имеющий, впрочем, заурядный вокзал и банальные поезда, следующие во всех направлениях. Я сносно владел английским, Варвара – дипломированный филолог – английским и испанским. Мы бы не пропали в этой глуши. Поезд на Круно-де-ла-Маэстра обладал традиционным испанским темпераментом – резво бежал, повизгивал, потряхивал боками. Мы глазели на пейзажи: белокаменные городки, сочные оливковые и апельсиновые рощицы, леса из пробкового дуба, посматривали друг на друга, загадочно улыбаясь.

Дальше города Круно-де-ла-Маэстра посреди центрального плоскогорья Месета поезд не шел. Испания оказалась шире, чем ожидалось. Мы купили билет на утренний поезд до Фондеро (атлас утверждал, что это почти Маринья), забронировали номер в гостинице. Варвара потащила меня в город, уверяя, что мы просто обязаны найти «кафе-кантанте» (здесь их называют «таблао»), чтобы насладиться едой, выпивкой и пресловутым фламенко. Было шумно и очень непривычно. Виляющие улочки старого европейского городка, уютное заведение, херес и сангрия рекой. Под стук кастаньетов разливались страстные песни о несчастной любви. Нас кружил водоворот, мы смеялись, веселились, здесь никто не покушался на чужую приватность. Набравшаяся Варвара уверяла, что отныне мы только коллеги, лучшие друзья, и вообще у нее каждый месяц новые мужчины, у меня просто нет шансов... Я был полностью с ней согласен – работа и дружба прежде всего. Остаток вечера мы провели в гостинице, допивая сангрию. А потом она удрученно констатировала, стаскивая с меня последний предмет туалета, что сегодня из вышесказанного ничего не получилось, может быть, завтра...

Утренний поезд в памяти почти не отложился. Я видел сюрреалистические сны, насыщенные цветовыми переходами. Временами в кадре мелькало двухместное купе, безоблачное небо в оконном проеме. Варвара перед зеркалом красовалась громоздкой соломенной шляпой, кривила губы.

– Милая шляпка, – бормотал я.

– А, по-моему, просто каска, – она скептически поджимала губы. – А если перевернуть, то целый окоп. Зато скидка бешеная – девяносто шесть процентов...

Вокзал в провинциальном Фрондеро я почти не запомнил. Сон гудел в голове, как колокол. Местная автостанция не очень опрятного вида, автобус, следующий мимо Мариньи, не заезжая в нее, простые женщины в широких юбках и парусиновых тапочках с подошвой из переплетенных веревок, мужчины в гетрах, жилетах, облегающих штанах до колен...

Я очнулся, когда под ногами распахнулась бирюзовая гладь. Ни островков, ни рифов – искрилась, тихо вздымалась масса воды. Белели одинокие паруса. Белый городок, похожий на мираж, раскинулся под горой в обрамлении скал из вулканического туфа. Строения ослепительно сверкали в лучах солнца. Практически все дома одного цвета – белого, жались друг к дружке, улочки замысловато закручивались, пропадая за высокими заборами. По шоссе вдоль моря проносились машины. В дорогу вливалась еще одна: она сползала с горы метрах в трехстах от нашего «поста». На ней также наблюдалось движение.

– Пуэблос бланко, – мечтательно вздохнула Варвара, водружая на нос солнцезащитные очки. – Белый город. Посмотри, как пафосно возле моря. Пойдем, Андрей Иванович. Если верить Гугл-картам, до Плата-дель-Торо метров восемьсот. И давай поосторожнее, что ли. Два труппа в этом странном деле уже есть...

Не улица, а заросшая тропической флорой площадь. Надменные особняки взирали на нас из-за оград. Со стороны моря всё утопало в зелени. Заросли игольчатого благоухающего розмарина, дикая фисташка под заборами. Горделивая ограда из стальных прутьев, подъездная дорожка, окаймленная клумбами с живыми розами. На дальней стороне дороги сутулый тип в сером комбинезоне, весь морщинистый, угрюмый, усердно подметал тротуар. Покосился на нас, словно мы тут мусорим. На территории «мавританского замка» за спиной дворника стрекотала газонокосилка – еще один тип, но только в синем комбинезоне, ухаживал за вверенной территорией. Проехал черный «Ламборджини» – за рулем красовался разрисованный панк с петухом на макушке. Мы проводили его взглядами.

– Петух, – презрительно фыркнула Варвара.

– Символ свободной Франции, – добавил я. – Попробуй объяснить это российским ээкам.

На наш звонок образовался мужчина в серо-черной опрятной униформе – с рацией и кобурой на поясе. Надменно прослушал ломаный испанский в исполнении Варвары. Покачал головой. Варвара повторила по-английски. Мужчина пожал плечами.

– Хэллоу, приятель, – сообразил я. – Госпожа Эльвира дома?

– Так бы и сказали, – проворчал охранник на языке родных осин, берез и колдобин и куда-то удалился. Мы с Варварой переглянулись, пожали плечами.

– Козел, – вздохнула Варвара.

– А как по-испански «козел»? – спросил я.

– Cabron, – она покосилась на меня как-то странно.

– А «коза»?

– Cabra...

Ждать пришлось минут пять. Сиеста. Из знойного послеобеденного воздуха материализовался белобрысый поджарый субъект с прической «ежилом». Он носил цивильный, недешевый костюм. Окинул нас внимательным голубым взором, в котором не было ни любопытства, ни антипатии.

– Здравствуйте, – сказал я. – Господин Йоран Ворген? Начальник охраны на Плата-дель-Торо, 14?

– Здравствуйте, – отозвался субъект на сносом русском. – Чем обязан?

– Если госпожа Эльвира дома, то она должна была сообщить о нашем прибытии. Наши фамилии Раевский и Архиреева.

Тонкая ухмылка пробилась сквозь бездну невозмутимости.

– Да, госпожа Эльвира говорила... Ваши документы, пожалуйста.

Произошло знакомство с нашими бумагами, субъект сделал знак охраннику, в воротах образовалась створка, и мы и просочились на территорию поместья.

– Госпожа Эльвира дома? – повторил я. – С ней все в порядке? Она может нас принять?

– Может, господа. С ней все в порядке. Но она вас не примет.

– Вот как? – удивился я.

– Проходите, – Ворген кивнул на мощенную цветным кирпичом дорожку. – К сожалению, не могу составить вам компанию. Некогда.

Он явился из воздуха, туда же и пропал. Мы с Варварой зевнули по сторонам, а когда сошлись в той точке, где находился господин Ворген, обнаружили пустое место. «Cabron» неторопливо закрыл калитку и удалился в будку на воротах.

«Караульная» служба здесь была поставлена грамотно. Перелезть через ограду затруднительно: стальные прутья на концах острее, чем наконечники копий. Камеры через три метра. Ограда оплетена проводами с чувствительными датчиками. Мертвая зона с двух сторон перед оградой – ни деревьев, ни растений. Ветки далеко – даже если ты умелец в «лазье» по деревьям, махнуть через ограду нереально.

– За нами никто не следит, Андрюша, – зачарованно прошептала Варвара. – Они демонстративно делают вид, что им на нас плевать. Это нормально?

– Не знаю, – отозвался я. – Хотелось бы в первую очередь разобраться с Эльвирой...

Мы шли по дорожке, мимо рослых рододендронов, стриженных карликовых деревьев с глянцево-лиственной – похожих одновременно и на лавр, и на мирт. Через минуту мы оказались в поле зрения еще одного субъекта в форменном комбинезоне. Он сидел перед клумбой, заросшей шарообразными георгинами, и что-то в ней преображал с помощью секатора и миниатюрной лопатки. Тип был длинный, нескладный, рыжий, обладал водянистым взором, двойным подбородком – то есть был персоной малопривлекательной. Он покосился в нашу сторону и повернулся боком.

– Приветствую вас, сударь, – поздоровался я.

Садовник даже ухом не повел, хотя уши у него были выдающиеся, торчали, как лопухи, и, видимо, неплохо слышали.

– У меня такое ощущение, что нас здесь не любят, – шепнула Варвара.

Помедлив, я тронулся дальше. Резко оглянулся. Садовник спокойно повел плечами, уткнулся в свою работу.

– Все очень просто, – успокоил я. – Садовника зовут Тынис, он эстонец, а эстонцы не страдают повышенным потоотделением от любви к русским.

– А что, на наших физиономиях написано, откуда мы явились? – Варвара недоуменно повела плечами. – Мы вроде не в зипунах, не в валенках.

– Возможно, местные в курсе, кого поджидает Эльвира. Хотя странно, конечно: эстонец работает в доме, где проживают выходцы из России...

Ощущение абсурда не проходило. Оно усугублялось. Где же дом? Мы двигались по зеленому парку, засаженному рододендронами, отцветшими рослыми магнолиями. Аллея извилялась знаком бесконечности. Смутное подозрение шевельнулось в голове: мы идем по кругу, недобрый тип по фамилии Ворген намеренно отправил нас данным маршрутом, мы скоро вернемся к воротам. А когда упремся в них, нас пинками выставят на улицу.

Возможно, так и было – одна из насмешек мастера абсурда, пожелавшего именно такую парковую территорию. Мы перешли на соседнюю аллею, петляющую мимо первой, и вскоре расступились кусты, развесистые тропические дендрониды с плоскими кронами (такое ощущение, что у них на макушках потрудились газонокосильщики). Выросло странное и внушительное белое сооружение. В виллу упирались две подъездные дорожки. Одна огибала зеленую зону с севера, другая с юга. Где-то позади они смыкались на воротах, но мы их упустили из вида. Возможно, Эльвира не преувеличила, и это причудливое строение действительно проектировал Ле Корбюзье – гений пропорций, изобретатель модулора: универсального измерительного масштаба. Он выдвинул в 20-е годы прошлого века идею стандартизированного дома с ячейками («Дом – машина для жилья»), а потом отошел от принципов рационального производства, провозгласив свое знаменитое: «Нет человеческих сил, чтобы уничтожить лиризм!» Образная выразительность. Куда уж выразительнее?.. Дом на Плата-дель-Торо, 14, стоял на массивных столбах-опорах. Но не везде – парадное крыльцо стартовало от места слияния подъездных дорожек и упиралось в стеклянные раздвижные двери. Дом, казалось, состоял из независимых друг от друга секций. Крыша – реющие по ветру полы плаща (или два паруса, стремительно удаляющиеся друг от друга). По центру – ровная площадка, огороженная горкой каменных кубов. В центральной части здания оконные проемы сливались в единое ленточное

окно, формируя строгий геометрический рисунок фасада. Симметрия в проекте отсутствовала. Левое крыло представляло спирально закрученную сужающуюся ротонду, венчаемую «парусом». Правое было причудливой комбинацией составленных друг на друга детских кубиков, в которых окна натяканы нетвердой рукой – различных форм, размеров, и со стороны казалось сущим абсурдом, едва ли несущим в себе что-то функциональное...

Варвару обуял словесный понос. Она трещала, как швейная машинка. Прошлась критичным образом по всему дому, заявив, что рядом с этой несурзностью ее пронзает тоска по сухому геометризму, что весь этот бессмысленный авангардизм – сплошная bobada (глупость, по-испански). Бред, а не искусство. И без того тошно на душе. А, в сущности, она не спец по строительному делу, знает лишь, что молоток для надежности, забивая гвоздь, чтобы не ударить себя по пальцам, следует держать обеими руками, все такое...

Пока она ворковала, я осмотрелся. Ни одной живой души. Куда мы попали? Жара под сорок градусов, а по спине ползли мурашки... Причудливый завтрашний день, свободный от живых существ. Застывшие формы, неестественно яркие треугольные колосья гиацинтов, чашевидные камелии с лоснящимися темными листьями. Клумбы и газоны заплетены самым сложным образом, постриженные кусты, словно стаи затейливых животных, собравшихся шагнуть с газона. Черные качели, напоминающие первый танк с огромными колесами (такой же трехколесный велосипед)... В изгибах аллея я разглядел несколько бронзовых скульптур – таких же странных очертаний. Явно не Пракситель. Тяжеловесные статичные формы – обобщенные и абстрактные. Одна напоминала полулежащую женщину: одна нога заброшена за другую, руки за голову. Другая походила на арфу – с крыльями от самолета. Третья, как и первая, являлась антропоморфной – воспроизводила сходство с человеческим телом, но столкнуться с таким телом было бы нежелательно. Четвертая – перевернутая голова с умиротворенно закрытыми глазами, пятая – округлая полая конструкция с затейливыми разрывами и переходами – типичный сон разума...

Еще парочка изваяний наблюдалась на крыльце – стражники, стерегущие вход. Гимн машинной цивилизации – с одной стороны слесарная фреза, с другой – взорванная морская раковина. Над скульптурным оформлением особняка, похоже, потрудился не один Генри Мур. Многие символисты и безумцы здесь отметились...

– Так вот куда уходят народные деньги, – гундела Варвара. – Ну, и как тебе это чудо?

Я еще раз огляделся и сделал компетентное заключение:

– Ничё так... На грани шизофрении. Пойдем, Варвара. Нам не рады в этом доме, но войти внутрь не запрещают. И давай на всякий случай ничему не удивляться.

Мы поднялись по крыльцу, подошли к стеклянным дверям, которые услужливо разъехались...

Освещение в холле плавно меняло оттенки. Источником рассеянного света служили квадратные панели, утопленные в стены. Они испускали мерцающее свечение – сначала оно было насыщенным, затем теряло интенсивность, таяло, с бледно-голубого перетекало в желтоватое, с желтоватого в розовое. Резвились тени. Вырастали прямоугольные выступы на потолке и стенах, а затем под воздействием уплотняющегося полумрака отходили на задний план, сливались с ровными плоскостями. Темные пятна перемещались по потолку.

Лицо Варвары меняло цвет, как и все в этом холле. Обрастало пятнами, делалось посмертной маской, затем постепенно светлело, обрисовывались глазные провалы, приоткрытый ротик, ямочки на щеках, морщинки в уголках рта, свидетельствующие о том, что время, увь, величина текущая.

В беспокойном освещении проявлялась лестница на второй этаж (а третьего как будто и не было). Проход в левое крыло, напротив него – в правое. Мы стояли, надеясь, что к гостям кто-то выйдет. Но никто не выходил. Ни мажордом, ни прозрачная девочка в ночной рубашке.

– Им все параллельно, – зачарованно прошептала Варвара. – Их линии с нашими не пересекаются...

Мы приступили к обходу территории. Блестел паркет. Стены холла только издали представлялись гладкими. На деле они оказались шершавыми и прохладными. Впрочем, воздух в помещении исправно кондиционировался, невзирая на визуальное отсутствие кондиционеров. Мы сунулись в левую дверь, там было заперто, но едва мы подошли к двери, как сверху прозвенел колокольчик, и в стенах тихо загудело. Возможность пройти, вероятно, имелась, но следовало знать волшебное слово. Та же история повторилась, когда мы подошли к южной двери. Вход в аналогичное крыло также оказался перекрыт. Оставалось подняться по лестнице, что мы и сделали, угодив в полукруглый холл, ровная стена которого была той самой застекленной галереей над крыльцом. Из окна просматривалась часть парка, черные качели, уродливая скульптурная композиция на эротическую тему. Потолок серебрился, испуская мерцание. В глубине холла различались несколько дверей. Набравшись храбрости, я потянул одну из них. Заперто. Остальные пробовать не стал. Техники слежения на первый взгляд не было. Но она могла таиться в любом месте: в изгибах потолка, за дымчатыми шторами, в переплетениях искусственной зелени на потолке и стенах. Мы отметили, что со второго этажа в левое крыло ведет беспрепятственный арочный проход. Коридор, озаренный голубоватым мерцанием, и мы оказались в просторном помещении, похожем на гостиную. В дизайне мебели – сплошной модерн, никакой классики. Но в целом уютно. Стекло-зеркальные журнальные столики, зеркальный пол, отнюдь не скользкий, кресла, покрытые серым велюром, диван перед гигантским ТВ-экраном. И снова двери, спуск на лестницу, где царил темнота и не было намека на выключатель. Мы поспешили вернуться в гостиную, отсюда – в холл, где ничего не менялось, кроме скульптурной композиции на цилиндрическом постаменте, изображающей разрезанную каплю воды. Несколько минут назад она была обращена к нам выпуклой, текучей частью, а теперь предстал разрез – разбитые ребра, часть кишечника, сердце с клапанами, вылепленное так мастерски, что, казалось, вот-вот забьется...

– Поворотный механизм, – сглотнув, сообщила Варвара. – Забавно, правда?

Мне так не казалось. Капля ассоциировалась с человеческим телом. Сие творение напомнило выставку «Мир тела», ежегодно проводимую доктором Гюнтером фон Хагенсом – спекулянтом на подспудных человеческих страхах. Он вымачивал мертвые тела в формальдегиде, замораживал, размораживал, удалял воду и жир, заменяя их пластиком. А потом изготавливал из тел выставочные экспонаты: люди со снятой кожей, со вскрытыми животами – в самых разнообразных захватывающих позах...

Мы находились в доме маститого живописца и еще не видели ни одной картины. Но вскоре увидели. Каждая вещь в этом доме знала свое место. «Портал» в южное крыло здания, представляющее груды навороченных кубов, как ни странно, из холла работал. Как это соотносилось с запертой дверью внизу, было не понятно. Мы окунулись в запутанную систему переходов, спиральных лестниц, небольших замкнутых помещений, снабженных оконцами с решетками и стальными жалюзи. Здесь и находилась картинная галерея. Произведения искусства (не отягощенные богато оформленными рамами) висели везде, кроме пола, даже на потолке. Безусловно, творения Эндерса, и писал он их здесь же: одна из дверей вела в продолговатое сужающееся помещение, заставленное мольбертами, шкафами, продавленными диванами, заваленное груды непостижимых вещей, укрытых плотным целлофаном. Варвара отогнула пленку – и отдернула руку, порезавшись о зубчатую шестеренку. Сунула палец в рот, жалобно посмотрела на меня. Мы на цыпочках удалились из мастерской. Здесь не было ничего, что могло бы превзойти по интересу готовый продукт живописца...

Художник в творчестве явно шагнул за грань шизофрении (и других популярных психических заболеваний). Хулиган от искусства. Картины затягивали, как увлекательный детектив, внушали восхищение, брезгливость, страх. Жесткие интеллектуальные игры. Возможно,

упреки в некоторой плакатности творений Эндерса не лишены оснований, но и что? Предназначение художника: затягивать, как болото, играть на инстинктах, взывать к чувствам – пусть даже не очень красивым... Совмещение образов, лишенных логических взаимосвязей, бессознательное, «обманки» – когда реальные изображения персонажей проходят в немислимых, бредовых сочетаниях. Со стен, с потолочного покрытия галереи на нас взирали необычные персонажи. Изможденные, обросшие струпьями люди в лохмотьях брели через равнину, озаренную сполохами северного сияния. Крупным планом – кисть руки с обкусанными ногтями, прорисованная до последней волосинки на третьей фаланге. Но с обратной стороны – обычная мятая перчатка, небрежно брошенная на крючок в прихожей... На фоне пустынного ландшафта возникали фантастические видения. Прекрасная обнаженная дама растворялась в пространстве, насыщенном парами соляной кислоты. Она меланхолично смотрела на то, что осталось от ее растворившихся ног, как кровоточащие язвы разлагают впалый живот... Вечерние мистерии, исполненные ярких звезд на темнеющем небе, глыбы энергоблока под саркофагом, грязные танцы в исполнении гипертрофированных уродцев с большими человеческими глазами. Фигуры обрисованы гибкими упругими линиями... Лист лотоса преобразался в дряхлого старика с перепончатыми крыльями. Огнедышащее небо, раскаленная каменистая земля, изувеченные демоны выползали из трещин... Ливень из зубастых муравьев, заставший врасплох семью, путешествующую в горах на автомобиле: взрослые уже погибли от ядовитых укусов, израненные дети спасаются бегством... «Морская болезнь», висящая в моем офисе, и которую я уже знал до последнего безмолвного крика ее персонажей (я чуть не вскрикнул от расстройства чувств). Иные вариации на темы морской болезни. Безумные животные на длинных комариных ногах (явно заимствованные у Дали) разрывали на части Эйфелеву башню. Чем не угодила? Общественное мнение начала двадцатого века, когда Эйфелева башня казалась уродиной любому парижанину? Шафрановые одежды буддийских монахов. Костлявый человек, пробивающий головой дырку в стене. Призраки, бродящие в радиоактивном тумане. Кладбище убитых топором тележек из супермаркета, остатки еды, крысы (и охота была вырывать каждую тележку?). Ребенок с выпученными от ужаса глазами выбирался из материнской утробы. Дом на Плата-дель-Торо, 14 (не узнать его просто невозможно, невзирая на подросшие сваи), рассыпался в прах от землетрясения, из окон вылетали люди с орущими ртами, в разбитой гостиной пианист в черном смокинге и накрахмаленной манишке самозабвенно бил по клавишам...

– Андрюша, может, хватит для начала? – взмолилась Варвара. – Голова уже кругом...

– Не говори, – я начал растирать онемевшие виски. – Сам превращаюсь в подростка-дегенерата... Если не путаю, это философия Анри Бергсона, что суть явлений можно постичь не разумом, а только интуицией.

– И Фрейда, – вздохнула Варвара. – О бессознательном, как важнейшей сфере человеческой психики.

Мы выбрались из галереи в холл второго этажа. Пришлось поплутать, чтобы найти обратную дорогу. В холле ничего не изменилось, только «капля» сделала несколько оборотов и вновь красовалась разорванными внутренностями.

Чем дальше мы находились в этом доме, тем сильнее охватывало чувство, что безумие не за горами. Мы подошли к окну. Пейзаж оставался нетронутым: абстрактные скульптуры, ослепительные цветники посреди газонов, качели...

– Качели, между прочим, качаются, – неуверенно заметила Варвара.

– Не, – я сконцентрировал фокус. – Не может быть.

И вдруг почувствовал, как волосы на затылке начинают медленно шевелиться...

Я начал поворачиваться всем корпусом.

Судя по ощущениям, за спиной стояла целая свора асасинов с остро отточенными ножами. Но это был всего лишь мальчик. Он стоял неподвижно и смотрел на нас. Ну и взглядец...

– Привет, пацан, – выбив ком из горла, поздоровался я.

Он продолжал нас рассматривать, как незваных гостей. Бледный анемичный подросток лет тринадцати, надменный, чистенький, вылизанный, с аккуратным пробором – явно не круглая сирота. У него был неприятный сверлящий взгляд. Не удивительно, что от такого внимания загревок начал неметь.

– Привет, пацан, – повторил я. – Как дела?

– Здравствуйте, – негромко и практически по складам произнес мальчонка. И продолжал молчать дальше. Мы с Варварой украдкой переглянулись.

– Конечно, здравствуй, мальчик, – ласково сказала Варвара. – Ты здесь живешь? Это ты сейчас качался на качелях?

– Я, кажется, знаю, кто ты, – сказал я. – Ты Марио. А твоя мама... тетя Изабелла.

Мальчик шевельнулся, словно муху плечом отогнал.

– Она не тетя. Она мама.

– Ну да, – спохватился я. – А вот Гуго Эндерс – твой дядя, верно? Это он у вас неделю назад пропал?

Я снова брякнул, не подумав (ну, не учили меня общаться с детьми!). Мальчик свел в кучку густые не по возрасту брови, взгляд его стал предельно неприятным.

– А мы не просто мимо проходили, – пришла на выручку Варвара, ущипнув меня за заднее место. – Мы прилетели из России по просьбе тети Эльвиры. Нас зовут тетя Варя и дядя Андрей...

Договорить она не успела. Реакция подрастающего поколения последовала незамедлительно. Мальчик развернулся, как на плацу, и зашагал к лестнице.

– Постой, Марио, – растерялась Варвара. – В конце концов, это просто невежливо.

Он обернулся.

– Что невежливо?

– Где найти Эльвиру? – опередил я Варвару.

Мальчик притормозил, глянул на меня в высшей степени нелюбезно. Небрежно ткнул куда-то пальцем.

– Там ее комнаты.

В глубине сумрачной ниши обнаружилась дверь, в которую мы еще не совались. Я постучал, выждал, снова постучал. Толкнул, вошел. И сразу же попятился, заткнув нос. Я наткнулся на Варвару, отдал ей ногу. Варвара икнула.

– Что там, Андрюша? У тебя такое лицо... Ее... убили?

– Да типун тебе на язык...

Апартаменты «безутешной» супруги живописца вполне соответствовали доходам последнего, но привлекало другое. В закупоренном пространстве господствовал удушливый смрад. Что она курила? Кокс? Гашиш? В комнате беспорядок, ваза с фруктами перевернута, какие-то конфеты, о которые тушили окурки, пустая бутылка от крепкого «бифитера». Эльвира Эдуардовна Эндерс, одетая (правильнее сказать, раздетая) в короткую кружевную сорочку, лежала на кровати, сжимая в кулаке столовый нож – то ли для разделки рыбы, то ли морепродуктов. Она спала беспробудным сном. Голова заброшена за подушку, волосы рассыпаны по изголовью. Поза выражала стремление обнять потолок.

– Ну и поворотец, – поморщилась Варвара. – Сильна, согласишься? Уделать «сорокапятку» «бифитера», да еще и подкрепиться... – она усердно потянула носом, – кокаином. Она что, с дуба рухнула?

– Просто у девушки богатый внутренний мир, – я взял пустую бутылку, изучил содержание этикетки. – Наш человек. У англичан дом – крепость, а у наших вот, сорок восемь оборотов – крепость. Не скоро очнется наша кормилица.

– Она с дуба рухнула? – повторила интересный вопрос Варвара. – Что она творит? Если тут действительно существует опасность для ее жизни...

– В чем я начинаю сомневаться. А в принципе, инсценировать смерть от утомления земными радостями... Ты знаешь, в чем главное отличие человека от животного?

– Их много, – проворчала Варвара.

– Но есть основное: неестественное поведение. Мы имеем дело с дурой – пусть и отягощенной высшим образованием. Поздравляю, коллега.

Я нагнулся над телом, покосившись на нож, напрягся, словно по коридору уже топали академик Павлов со своими собаками, оттянул верхнее веко. Рефлекс состоялся. Эльвиру подбросило, она что-то выкрикнула, махнула ножом. Обмякла, повернулась на бок и засопела.

– Не порежет? – Варвара опасливо отступила.

Я извлек из скрюченной длани опасный предмет, поискал глазами, куда бы сунуть, сунул Варваре в боковой карман.

– Спасибо, – поблагодарила Варвара. – Обожаю тырить из богатых домов серебряные ложечки, ножи.

– Пошли, – я потянул ее за рукав. – Дело принимает скверный оборот. Будем выпутываться самостоятельно.

Мы вышли в холл.

– Странно, – пожал я плечами. – Потерять над собой контроль при открытых дверях.

– Но ты же сказал, что она дура, – напомнила Варвара.

– Прости, забыл. А ведь в офисе она не играла. Она была уверена, что ее хотят убить.

– Убьют, – зловещим шепотом вымолвила Варвара. – Если кому-то очень нужно, значит, убьют. Лишь бы успела с нами рассчитаться.

– Ты циничная...

– Я? – изумилась Варвара. – Ну, извини, а чего мы сюда приперлись за тридевять земель – оказывать безвозмездную помощь страждущим дурам?

– Здесь кого-то назвали дурой?

Нас опять застали врасплох! Мы резко повернулись и обнаружили миловидную женщину в белом платье, похожую на Мирей Матье в молодости. Она медленно выплывала из зоны полумрака – воздушная, с загадочной полуулыбкой на устах. Сходство с именитой шансонеткой было потрясающим. В горле Варвары что-то булькнуло. «Привидение» распахнуло улыбку, подошло совсем близко. От него приятно пахло – тонко, нежно, выразительно и очень по-французски.

– Здравствуйте, – я учтиво поклонился.

Женщина засмеялась.

– Вы сделали очень сложное лицо, детектив. Вы же детектив?

– Как правило, да. Позвольте представиться...

– Я знаю, кто вы такие, – перебила женщина. – Господа Архиреева и Раевский. Прямоком из Сибири. Скажите... а люди там по-прежнему мерзнут?

– Скорее, киснут от дождей, – очнулась Варвара. – Вы – Изабелла Эндерс?

– Отчасти, – женщина пристально изучила мою спутницу и предпочла общаться со мной. – Последнего мужа, царствие ему небесное, звали Симон Бранден, отсюда ваша покорная служанка – Изабелла Бранден. Урожденная – разумеется, Эндерс.

– И ваш сын Марио, – пискнула Варвара. – Он тоже Бранден?

Изабелла засмеялась.

– Детективам не терпится приступить к работе. Ну что ж, не смею препятствовать. Увы, дорогая Вар... простите, Барбара – я могу к вам так обращаться? Простите, давно не была в России, отвыкла от этой экзотики, – Варвара снисходительно кивнула. – Спасибо. Марио – не Бранден. Марио – Ризотти. Моего первого мужа, аналогично царствие ему небесное, звали Рафаэль Ризотти. Он продавал автомобили – невзирая на свое имя.

Варвара задумалась. Очевидно, сочетание слов «Марио Ризотти» ей что-то напомнило.

– Подождите, – сообразил я. – Прошу прощения за бестактный вопрос, получается, что оба ваших мужа... как бы это мягче выразиться... погибли?

– Ничего себе, мягко выразился, – проворчала Варвара.

– Каждому свое, – сокрушенно вздохнула Изабелла.

– Примите сочувствие, Изабелла.

– Проехали, – усмехнулась женщина-«привидение». – Если уж быть предельно точным, я вдова не в квадрате, а в кубе. Был еще и третий муж... между первым и вторым. Бедняжку звали Диего Армантес, но мы называли его ласково – Альф. Он служил в пограничном департаменте. О, вы знаете, – в глазах женщины заблестели искорки лукавства. – Пограничный столб – это одно из интереснейших явлений. Ветвей нет, плоды не растут, а столько людей кормит...

Мы украдкой переглянулись. Зачем она, интересно, всё это рассказывает? Тоже дура?

– Понимаю ваше недоумение, – Изабелла пристально смотрела мне в глаза. – Я не «черная вдова», а просто невезучий человек. Рафаэль скончался от сердечного приступа, Диего покончил с собой, когда ему предъявили обвинение в получении крупной взятки, Симон... погиб от переутомления, у него тоже было слабое сердце, – она не стала развивать тему. – Что вам еще рассказать, господа? Мне очень неудобно, что приключилась такая история с Эльвирой, – она выразительно покосилась на дверь, из которой мы вышли. – Но у Эльвиры уже случались срывы. Непростой удел – быть женой экстравагантной творческой личности, у которой... – Изабелла задумчиво потерла подушечкой пальца висок. – Впрочем, отпечаток этой экстравагантности имеется на всех обитателях дома.

– Мы заметили, – проворчала Варвара. – Как бы и нам самим...

Изабелла ядовито улыбнулась.

– Крепитесь, господа. Но, думаю, вы здесь не задержитесь. О, нет, вас никто не гонит, но просто эти сумасшедшие выходки Эльвиры... Она сама не ведает, что творит. Да еще это пристрастие к выпивке и наркотикам...

– Она переживает пропажу мужа, – напомнил я. – То есть ведет себя, в сущности, правильно.

– Мы все переживаем, детектив, – скулы женщины внезапно побелели, напряглись, появилось в чертах что-то неуловимо азиатское. – Нас всех расстроила пропажа Гуго. Это вышло так внезапно... Мы в полном недоумении. Куда он мог пропасть? Ничто не предвещало несчастья. Полиция обыскала весь дом, прочесала территорию: парк, оранжерею, бывшую пивоварню, морозилки для мяса...

– Есть и такое? – удивился я.

– Все заброшено, – отмахнулась Изабелла. – Гуго – увлекающаяся личность. Он пробовал варить пиво, бросил, пытался завести свою ферму, наскучило, дальше морозилок не ушел... Полиция облазила все помещения, искала потайные ходы, работала с охраной. Никаких результатов...

– Вы позволите осмотреть территорию? – спросил я.

– Конечно, – кивнула Изабелла. – Осматривайте. Если Эльвира так решила... Надеюсь, у вас хватит такта не заходить в своих поисках слишком далеко?

– Хватит, – улыбнулся я.

– Спасибо, – зефирно улыбнулась Изабелла. – Горничная Сесиль подготовит ваши комнаты. Вы уже осмотрели дом?

Она призывно улыбалась, но меня не покидало чувство, что женщина над нами изысканно издевается. Возможно, не все обитатели дома были одинаково сумасшедшими, или сумасшествие у отдельных резидентов выражалось как-то особо...

– Мы еще немного походим, – учтиво поклонился я. – Здесь так необычно и привлекательно.

– Как угодно, – женщина собралась нас покинуть.

– М-м, – сказал я. – Простите за вопрос, мы давали обещание не лезть в чужую частную жизнь, и тем не менее. Сколько вам лет, Изабелла?

– Так плохо выгляжу? – притворно удивилась женщина. – Мне тридцать лет, детектив. Переломный возраст. Начало конца, если позволите.

– Тогда получается, что Марио... – я сделал мысленный математический расчет и удивился.

– Родился, когда мне было семнадцать лет? – Изабелла лукаво подмигнула. – Такое случается, господа. Рафаэль Розетти был, конечно, неудачником, но благополучно разрулил ситуацию в надзирающих инстанциях. И даже женился на мне, притворившись честным человеком.

Женщина растворилась в лабиринтах таящего опасность здания (а я уже не сомневался, что опасность таилась). Варвара изучала мое лицо.

– Эй, подъем, охотник за женскими скальпами, – она потрясла меня за рукав. – Она коварная нимфа, оставь в покое свои прыщавые сексуальные фантазии.

– Прости, задумался, – я виновато погладил Варвару по плечу. – Разве может кто-то сравниться с Варварой моей?

– Если ты о постели, то выброси из головы. Клянусь Отчиной, Раевский, то была минутная слабость... вернее, два раза была минутная слабость (два по три – всего шесть, – подумал я), и теперь мы с тобой – друзья и коллеги.

Откуда-то снизу полилась негромкая психоделическая музыка. Просквозила тень от гостиной к лестнице. Мы молча проводили ее глазами. Это была высокая худая женщина в черном платье. Мы переглянулись и пожали плечами. Не сговариваясь, подошли к окну. Солнце опустилось за деревья, превратив их в рябющую бесцветную канитель. Парковая зона погрузилась в сумрак. На черных качелях раскачивался мальчик. Он смотрел в одну точку перед собой, почти не шевелился, качели взлетали, опускались...

Мы отвлеклись на шорох. По холлу пробежала девушка в черно-белом форменном платье. Она держала перед собой увесистую стопку чистого белья. Мы посмотрели, как она исчезает в северном крыле, и вновь обратили свои взоры на улицу. Мальчик продолжал качаться, но амплитуда колебаний пошла на убыль. К мальчику приблизилась женщина в черном платье. Мы видели только спину, прямую и костлявую. Она остановилась, видимо, что-то говорила, а может, молчала, являя мальчику свою свирепую гувернантскую суть. Нас опять отвлекли. Движения мужчины были неверны, походка – шаткой. Взъерошенный, сутулый, мятая рубашка торчала из мятых штанов, которые он забыл застегнуть. Пошатываясь, он отошел от «капли», остановился, словно забыл, куда собрался, побрел дальше – на лестницу. Присутствие двух людей у окна он, видимо, посчитал малосущественным, хотя не заметить нас не мог.

Мы тупо уставились в окно. Качели были пусты, хотя и продолжали раскачиваться. Мальчик с гувернанткой пропали. Из-за скульптурного недоразумения, напоминающего раздевшуюся колхозницу, выступила долговязая рыжая личность – садовник Тынис. Он держал устрещающий секатор, вторая рука висела плетью. Он угрюмо, без отрыва, смотрел на нас.

Мы окаменели. Тупо смотрели на него, чуть не сплющив носы о стекло. Недобрый взгляд пригвоздил к месту.

Немая дуэль не затянулась. Садовник пощелкал садовыми ножницами, отступил за скульптуру. Мы отпрянули от окна.

– Твою дивизию... – ругнулась Варвара. – Чуть ноги не отнялись... Может, вернемся в Россию, Андрюша?

– Заманчивое предложение, – я насилу расклеил губы. – Но согласишься, велика ли вероятность, что нас без видимых причин забудут садовыми ножницами, сбросят с лестницы, заключат привидения? Давай подождем.

– Чего подождем? – приуныла Варвара. – Появления видимых причин?

Личность Гуго Эндерса требовала если не полной разгадки, то хотя бы частичного понимания. Варвара заныла, что ей нужно на горшок, поесть, помыться и спать. Я тоже хотел буквально все из списка, но удобствами нас пока не обеспечили, и я предложил ей еще раз пройтись в галерею.

– Хорошо, – вздохнула Варвара. – Там я точно забуду, что хочу в туалет.

Не сказать, что я был в полном восторге от творчества Эндерса, но две картины в лабиринтах галереи мне понравились. Прекрасная дама в соломенной шляпке, выписанная мазками золотистой масляной краски, словно сотканная из лепестков – она сидела, сложив руки на коленях, и без затей позировала художнику. И странный персонаж с дряблым морщинистым ликом столетнего старца и удивительно упругим телом. Персонаж картины на фоне сельского хозяйства взваливал на плечо плотно набитый мешок. В картине было что-то нетрадиционное для Эндерса (как и в предыдущей). Я долго смотрел, пытаюсь понять, кого же хотел вывести художник – рано состарившегося юношу или старца, одержавшего победу над собственным телом? Или снова аллегория? У Гуго Эндерса была великолепная техника исполнения, персонажи излучали динамизм, краски налагались таким образом, что при долгом взглядывании в картину начинали как бы течь, подплавляться, оживляя нарисованное...

– Здесь кто-то есть, – шепнула Варвара.

– Где? – тупо спросил я.

– Там, – показала она за спину.

– Ну и что?

– Ничего. Пойду, посмотрю.

Она решительно отправилась в соседнюю комнату. Там действительно кто-то был: послышалось шуршание, и что-то неопознанное скользнуло в проем. Раздался тихий смешок. Варвара остановилась в замешательстве.

– Пугают, – неуверенно заметил я.

– Это не Марио... Это женщина. Зачем нас пугать?

– Чтобы страшно было, – я разозлился, взял Варвару за охладевшую руку, повел в коридор. И вновь мелькнула тень за светящейся панелью. Определенно, женщина. Мужчины не ходят в коротких платьях.

– Послушайте, – сказал я, – это помещение для игры в пятнашки?

Лукавый смешок. Я отпустил Варвару и решительно направился в соседнюю комнату, куда заскочил призрак. Второго выхода из комнаты, насколько помню, не было. Но тут погас свет. Я встал, и Варвара с замогильным урчанием въехала мне в спину.

– Это ты?

– А кто это спрашивает?..

Мы стояли, дожидаясь, когда дадут свет. Шорох за спиной – я резко обернулся. Поскрипывали плитки под ногами – уже в другой стороне. Я вновь сменил позицию, с досадой сообразил, что полностью потерял ориентацию. Где выход?

– Глупая шутка, – выплюнул я в пространство и стал ждать. Тишина.

– Ты помнишь, где выход? – прошептала Варвара.

– Нет... – я машинально похлопал по карману, выудил зажигалку. Язычок пламени вырвал из темноты объятые ужасом глаза. Варвара однажды призналась, что боится темноты. Я поволил зажигалкой, осветил кусок гладкой стены, исполненное муки лицо вопящего в

пустыне уродца, взрыв сверхновой – резкое сочетание желтого, зеленого, огненно-оранжевого...

– Мы видели хоть один выключатель?

– Ты с кем сейчас разговариваешь, Андрюша?

Страх прошел, осталась злость. Неподалеку притаился человек и наслаждался нашей растерянностью. Пламя зажигалки было худеньким подспорьем. Я выключил и сунул ее в карман.

– Доставай, Варвара, свой сотовый. А я свой...

Освещая дорогу телефонами, проклиная здешние порядки, мы выбрались в холл. Я вертел головой. Клятая «капля» на пьедестале вновь разверзла нутро, подмигивал свет. За окном еще не сумерки, но солнце ушло за деревья, погрузив природу в мерцающую дымку.

– Прошу прощения, господа, – произнес по-английски женский голос. – Я, наверное, отвлекаю вас...

Скромная девушка в черно-белом платье вышла из темноты проема и остановилась. Мы помалкивали.

– Здравствуйте, – сказала она, смиренно сложив руки в районе пупка. – Я горничная Сесиль. Госпожа Изабелла распорядилась насчет помещений для гостей. Помещения готовы. Можете располагаться. Идите за мной, я покажу, где это.

– А вы не говорите по-русски? – спросила Варвара.

– Нет, что вы, – испугалась горничная, – очень сложный язык. Сложнее датского и китайского. Я немного говорю по-английски... ну, и по-французски, ведь я родом из французского Бреста.

– Как у нас с французским? – я покосился на Варвару.

– Как у всех, – пожалала плечами Варвара. – «Привет», «спасибо», «почему бы нет», «я не ел пять дней»...

– Понятно, – кивнул я. – Спасибо, Сесиль. Скажите... а нам приготовили отдельные комнаты?

– Да, – кивнула прислуга. – Вам приготовили отдельные комнаты. Разумеется, если вы желаете жить в одной...

– Ни в коем случае, – испугалась Варвара. – Как вам в голову могло такое прийти. Мы не женаты, слава богу.

Наши «апартаменты» оказались в северном крыле, за гостиной, витиеватым коридором и усыхающей канной в пластиковой бадье. Две двери рядышком.

– Пожалуйста, располагайтесь, – сказала горничная. – Вот ключи. Комнаты одинаковые. Белье чистое, все прибрано. Для каждого помещения – отдельные ванная и санузел. Но с едой придется подождать. Дело в том, что в этом доме... – горничная замялась, – не принято готовить, еду подвозят из ресторана «Эль-Пасо», что на Пуэрта-Виа. Но у них все свежее, меню разнообразное, кроме того, в буфете имеется широкий выбор напитков и мелких закусок – надо только спуститься на первый этаж, войти в северное крыло, и сразу направо...

– Там было заперто, – напомнил я. – И что-то звенело..

– Ах, простите, – сказала горничная. – Возможно, я наводила там порядок и машинально заперлась... А звон... Какой, простите, звон?

Мы недоуменно переглянулись. Но девушка уже удалялась, покачивая юными, плохо разработанными чреслами.

– Всё, – сказала Варвара. – До новых встреч. До ужина не кантовать.

Она открыла левую дверь, ехидно посмотрела на меня, вошла и заперлась. Я скрипнул зубами и вошел в правую.

Хлопнул и тоже заперся.

Комнатка оказалась чистая, но какая-то... казенная, что ли. Не для самых дорогих гостей. Серые стены, серый потолок. Кровать у левой стены, стол, кресло, жалюзи на окнах. Я бросил сумку в кресло и лишь теперь осознал всю степень усталости. Добрел до ванной, осмотрелся, попробовал воду. Не найдя сюрпризов, забрался в сияющую емкость, минут пятнадцать смыл с себя все ненужное. Завалился в чистых трусах на койку. Стал думать.

Поменял позу, отвернувшись от стены. В комнате явно не хватало телевизора.

Я плохо понял, как это произошло. Вернее, совсем не понял. Что-то изменилось. Раздвинулось пространство, прибавилось воздуха. Я продолжал лежать на боку, открыл глаза, недоверчиво уставился на стену напротив. Стена была на месте. Но все равно было что-то не так. Я кожей чувствовал изменения в окружающей среде. Рядом со мной кто-то был...

Я медленно поворачивал голову – вместе с плечевым суставом. Напрягся...

И ничего не понял. Рядом со мной на такой же койке лежала Варвара с зеркалом в руке и придирчиво выискивала на лице жировики, угри и прочие отдельные недостатки.

Ладно, я был в трусах. На ней же абсолютно ничего не было, не считая мокрого полотенца, обмотанного вокруг головы, и золотого крестика с цепочкой! Она лежала, подложив под голову две подушки, забросив ногу на ногу, и сосредоточенно выковыривала из носа недостаток.

Я тупо смотрел на нее. Она почуяла неладное, нахмурилась, покосилась влево, вправо... открыла рот и стала покрываться красными пятнами.

Это продолжалось минуты две.

– Привет, – сказал я.

– Привет, – выдавила она. – А-а... э-э?

– У тебя новые тормоза, – похвалил я. – Прикройся, бесстыдница.

Она ойкнула, потеряла пинцет с зеркалом, выхватила из-под головы подушку и перебрала на живот.

– Раевский! – возмутилась Варвара. – Что за дела? Как тебе не стыдно!

Я молчал. Варвара усмирила гнев и стал усиленно думать.

– Черт... – она вскочила, набросила на плечи домашний халат. Я перегнулся через левый край кровати. Мы чуть не стукнулись лбами.

Перегородки, разделяющей смежные комнаты, больше не было. Был продольный паз и такой же наверху. Разумеется, если дом спроектировал великий Корбюзье, то все в порядке. Один из принципов архитектора провозглашал свободную планировку: при необходимости внутренние перегородки помещения располагались по-разному или удалялись вовсе. А бесшумные механизмы, приводящие в движение машину «перепланировки» – это уже современность...

Я наливался краской. Можно не любить гостей, но издеваться над ними... Скрипя зубами, я начал одеваться.

– Ябедничать пойдешь? – глухо спросила Варвара.

– Строить всех подряд, – буркнул я.

– Только не зверей. А то выгонят к чертовой матери, бомжевать пойдём по солнечной Испании.

Но когда я вылетел в холл, всю мою злость как рукой сняло. Переливались глянцевые панели, «капля» с человеческим сердцем неутомимо вращалась. У окна стояли двое. Изабелла, скрестив руки на груди, что-то гневно выговаривала пьяному мужчине в мятой рубашке. Тот мялся, свесив голову, держался за подоконник. Оба посмотрели в мою сторону. Изабелла что-то тихо бросила. Пьяница отклеился от подоконника, глянул исподлобья, двинулся петляющей походкой к лестнице. Я дождался, пока он уйдет с моей траектории, приблизился к Изабелле.

Она приветливо улыбалась. У женщины была потрясающая мимика. Еще минуту назад она буквально лопалась от гнева.

– Уже отдохнули, детектив?

– В некотором роде, да, Изабелла. А вы беседовали, надо полагать, – я покосился в сторону лестницы, – со своим братом Генрихом?

– Ага, с младшеньким, – легко согласилась Изабелла.

– Да что вы говорите? – удивился я. – А выглядит так, словно старше вас на целую эпоху.

– А вы попробуйте выпить половину мировых запасов виски и хереса... Никчемный, опустившийся лодырь. Если вам интересно, почему вся семья собралась под одной крышей, то это исключительно по доброте душевной Гуго. – Изабелла блеснула прекрасными зубами. – Вы, наверное, в курсе, что у Гуго нет детей? Первая семья погибла. Жуткое несчастье. «Desventura», хм, по-испански. А с Эльвирой он пока не обзавелся детьми.

– Простите за вопрос, вы все... на содержании у старшего брата?

Изабелла не обиделась.

– Генрих – да. Еще пять лет назад он держал автомобильный салон в Южной Франции. Жена вскрыла некрасивый адюльтер, с треском развелась, отняла львиную долю бизнеса, остальную он быстренько пропил и покатился. А у меня, если вам интересно, имеется немного недвижимости в Италии, в той же Франции – она приносит небольшой, но устойчивый доход. Если Гуго в один прекрасный день соберется от меня избавиться... – женщина не договорила, предпочла поменять тему. – Вы явно чем-то возбуждены, детектив.

Я обо всем рассказал.

– Странно, – очень эротично повела плечами Изабелла. – Этот дом, не спорю, с определенным приветом. Странности Гуго, знаете ли. Внизу имеется операторская, где по компьютеру задаются функции – световые реле, датчики дверей, вращение скульптур... – Изабелла неприязненно покосилась на «каплю». – Задается программа, и можно неделями не подходить к компьютеру. Обычно Гуго этим и занимался... Да, некоторые перегородки в доме легко удаляются, перекрываются жалюзи в плане безопасности, но я не знакома с конкретными операциями.

– Может, Марио балуется? – предположил я.

– Марио с гувернанткой Габриэлкой, – Изабелла прищурилась, словно ее осенило. – Впрочем... я поговорю с Кармен. Может, она что-то знает.

Компаньонка и лучшая приятельница Изабеллы... Признаться, о данном персонаже я забыл. Игривая особа. Балуетесь со светом в галерее, с перегородками. Вместо того, чтобы идти сигары скручивать на табачную фабрику...

– А вас этот случай сильно задел? – игриво посмотрела на меня Изабелла.

– Не сильно, – признался я. – Но задел мою коллегу.

– Не может быть, – она шутливо ахнула, смерила меня взглядом, задержавшись на плечевых выпуклостях, рельефом которых я никогда не стыдился. Намек был тоньше некуда. Грудь совершила произвольный вздох, рванувшись из оков платья...

Но я не испытывал пока ностальгии по качественному женскому телу.

Вернувшись в комнату, я обнаружил, что перегородка на место не вернулась, зато пропала Варвара. Я перебрался в «условно» смежное помещение, заглянул в санузел, под кровать, прошелся по шкафам. Варвара пропала вместе с одеждой. Оставила сережки на кровати тумбочке, которые сняла перед мытьем в душе, и запах на подушке. Я сгреб блестящие украшения, сунул их в карман для пушей безопасности – с этим домом нужно держать ухо востро. Сел и задумался.

Колебание воздуха вывело меня из прострации. Я обернулся и чуть не подпрыгнул: наши с Варварой комнаты вновь разделяла стена! Я недоверчиво ее пощупал. Гладкий пластик.

Хорошо, что ключ от моей комнаты лежал в кармане, а дверь Варвариных «апартаментов» легко открывалась изнутри. Я заперся, побежал наверх, точно зная, чем займусь в ближайшее время.

Попадание было точным. В холле царил тишина, но во владениях Эльвиры было весело. Взбешенная Варвара стащила с Эльвиры сорочку, доволокла ее до сверкающей джакузи и пыталась перевалить через борт. Эльвира тихо постанывала, открывала и закрывала мутные глаза. Демонстрация обнаженного тела повлекла естественную реакцию: я встал столбом.

– Не запылится... – отдуваясь, проворчала Варвара. – Бабы голой никогда не видел? Помоги.

– Ну, уж нет, – отказался я, – давай сама. Но не забывай, что эта знойная прелестница обещала нам еще девяносто тысяч веселых европейских денег.

Эльвира растеклась по стенкам ванны в позе абсолютно неприемлемой. Я отвернулся.

– Справляйся сама, коллега. А я в комнате подожду. Не забудь про слово «деликатность». И не пытай ее холодной водой – это вредно для здоровья.

Когда я выходил из ванной, она на полную врубилась воду, радостно засмеялась.

– Какой мой любимый праздник в России, догадайся, Раевский?

– Не знаю, – пожал я плечами. – День защиты животных?

– Не-е. Горячую воду дали...

Я сидел, развалившись в кресле, уже откушал для поднятия тонуса коньяка Louis XIII из благородной семейки «Remy Martin», уже примеривался к продолжению банкета, когда от сильного пинка распахнулась дверь, и явились обе красавицы. Эльвира была закутана в банный халат, а Варвара – в своем и вся мокрая. Она тряслась от бешенства. Процесс купания «младенца» явно не внес умиротворения в мятущуюся душу.

– Ты была деликатна? – спросил я.

– Как никогда, – рявкнула Варвара, усадила Эльвиру в соседнее кресло, отобрала у меня рюмку, которую я предвкушал опрокинуть, и опрокинула в себя. Плеснула в опустевшую емкость из бутылки, разлив половину мне на колени, поднесла ко рту клюющей носом Эльвиры. В глазах ценительницы излишеств появилось что-то осмысленное. Она вцепилась в рюмку, вылакала. Заплакала горькими слезами. Варвара молитвенно вознесла глаза к потолку, плюхнулась на кушетку и принялась себя успокаивать.

– Господи, что это было? – бормотала Эльвира. Такое ощущение, что у нее во рту выросли коросты, за которые цеплялся язык.

– Небо обрушилось, – фыркнула Варвара.

Эльвиру трясло крупной дрожью, стучали зубы, она шарилась безумными глазами по пространству, не узнавая ни его, ни нас. Пришлось набраться терпения.

– Выпить... дайте.

– Выпили уже.

Эльвира вздрогнула и перестала трястись.

– Вы помните нас? – спросил я.

– Помню, конечно, – она вздохнула. Алкоголь разлился по крови, наступило временное облегчение. – Скажите... Гуго не нашелся?

– Нет. Признайтесь, Эльвира, все, что вы наговорили, остается в силе?

– Конечно... Простите, я тут немного... в общем...

– Захлопоталась. Домашние дела, понимаем, – буркнула Варвара. Я посмотрел на нее с укором.

– Мы не знали, Эльвира, что вы принимаете наркотики.

– Я тоже... не знала. Мне казалось, я только пью...

Я удивленно посмотрел на Варвару. Та сделала скептическую мину.

Постепенно мы разговорили женщину. Воздушный перелет состоялся успешно. Завалилась в дом глубокой ночью, разругалась с Изабеллой (а ведь Изабелла ничего об этом не говорила), у которой опять околачивался начальник местной полиции Рикардо Конферио – неприятный, скользкий тип. Заперлась в апартаментах, имея там все «необходимое» для автономного проживания.

– Вы потребляли раньше наркотики?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.